

Эволюция социальная и органическая

Артур М. Льюис

EVOLUTION SOCIAL AND ORGANIC

ARTHUR M. LEWIS

THIRD EDITION

1908

pgdp.net

Электронная книга проекта "Гутенберг" о социальной и органической эволюции

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Эволюция Социальная и органическая

Автор: Артур М. льюис

Дата выхода: 11 августа 2018 [Электронная книга № 57671]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Крисом Керноу и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ И ОРГАНИЧЕСКАЯ" ***

Примечание автора:

Обложка создана автором и размещена в общественном достоянии.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ И ОРГАНИЧЕСКАЯ

АРТУР М. ЛЬЮИС

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

ЧИКАГО

ЧАРЛЬЗ Х. КЕРР И КОМПАНИЯ

1908

Содержание

	Страница
I	ОТ ФАЛЕСА К ЛИННЕЮ 7
II	ОТ ЛИННЕЯ К ЛАМАРКУ 24
III	“ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР” ДАРВИНА 38

IV	ТЕОРИЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ ВЕЙСМАНА	60
V	“МУТАЦИЯ” ДЕ ФРИЗА	81
VI	“ВЗАИМОПОМОЩЬ” КРОПОТКИНА	97
VII	ОТВЕТ ГЕККЕЛЮ	115
VIII	“СОЦИАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗМ” СПЕНСЕРА	133
IX	ИНДИВИДУАЛИЗМ СПЕНСЕРА	149
X	ЦИВИЛИЗАЦИЯ УОРДА И ДИЦГЕНА	168

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Содержание этого тома состоит из первых десяти лекций из тридцати пяти зимних курсов 1907-08 годов. Их разыгрывали в театре Гаррика в Чикаго воскресным утром в переполненных залах. В нескольких случаях было отказано вдвое меньшему количеству людей, чем удалось попасть внутрь. Если эти лекции встретят такой же теплый прием при чтении, как и при прослушивании, я буду более чем удовлетворен. Для более полного обсуждения греческого периода, кратко рассмотренного в первой лекции, см. “Пионеры эволюции” Эдварда Клодда, работе которого во многом обязана ранняя часть этой лекции.

Каждая лекция исходит из предположения, что знание естественных наук, и особенно великих революционизирующих обобщений, которые они раскрывают, необходимо для современного образования.

Эта позиция отнюдь не нова. Она пронизывает всю классическую литературу о социализме. Либкнехт, говоря о Марксе и о себе самом, говорит: “Вскоре мы оказались на поприще естествознания, и Маркс высмеивал победоносную реакцию в Европе, которая воображала, что задушила революцию, и не подозревала, что естествознание готовит новую революцию”.

Единственное, в чем я преуспел и что является чем-то новым, - это преподносить эти так называемые тяжелые темы таким образом, чтобы привлекать и удерживать большую и восторженную аудиторию воскресенья за воскресеньем восемь месяцев в году.

Эти лекции, несмотря на их феноменальный успех, вызвали некоторое противодействие в определенных кругах социалистов. Это возражение почти полностью проистекает из того факта, что социалисты, о которых идет речь, еще не изучили, что содержится в их собственной стандартной литературе. Когда они сделают это открытие, они будут обязаны сделать одно из двух: отвергнуть социалистическую философию или прекратить противодействовать ее публичному представлению.

Повторное размышление покажет, что они могут не сделать ни того, ни другого. Существует тип мозга, образцы которого очень многочисленны, который, по-видимому, обладает способностью хранить различные виды знаний и противоречивые идеи в отдельных водонепроницаемых

отсеках. Таким образом, поскольку эти идеи никогда не сходятся воедино, столкновения не происходит.

Наиболее ярким примером этого является человек, который принимает и открыто провозглашает истинность материалистической концепции истории — теории, которая, среди прочего, объясняет происхождение, функции и изменения религии точно так же, как права, — и все же тот самый человек, который хвастается своим согласием с этой эпохальной теорией, используя одну долю своего мозга, будет, используя другую долю, с еще большим пылом утверждать, что социалистическая философия вообще не имеет ничего общего с религией, а является лишь “экономическим” вопросом. Левая доля не знает, что делает правая. Дицген описал этих товарищей как “опасных бестолковых”. Возможно, он опустил прилагательное. Мозг такого порядка делает своего обладателя безвредным.

Эти друзья из лучших побуждений дали много советов относительно того, как провести нашу встречу“ не "отталкивая людей”. И все же, как ни странно, наша аудитория росла не по дням, а по часам, пока с семидесяти пяти человек на первой лекции мы сейчас не заполнили один из самых больших и прекрасных театров в лупе. Тем временем они последовали своему собственному совету и увидели, что то, что вначале было прекрасной аудиторией в пятьсот человек, становится все меньше и меньше, пока не станет меньше пятидесяти, а иногда и ниже тридцати. Это, по-видимому, не оправдывает крик о том, что рабочий класс жаждет христианского социализма.

Последующие тома этих лекций перенесут теории социализма в другие области науки и философии.

В заключение позвольте мне попросить определенный тип корреспондентов сэкономить мое и их собственное время. Они говорят, что полностью согласны с моими взглядами; нет сомнений, что я прав. И лекции были бы на месте, если бы читались перед студентами университета. Но у рабочих (конечно, не считая моих высокопоставленных корреспондентов) так много невежественных предрассудков, что бесстрашное научное преподавание для них неприемлемо. Размер моей аудитории является достаточным доказательством последнего утверждения. Что касается остального, то именно существование невежественных предрассудков делает необходимым бесстрашное преподавание науки. Опять же, я еще не убедился, что существуют какие-либо знания, которые хороши для университетских работников, но непригодны для рабочих. Более того, я категорически отказываюсь иметь один вид знаний для себя, а другой передавать своей аудитории. Это фундаментальный принцип священничества, и рабочий класс уже получил от него слишком много.

На этом основании — что нет ничего выше реальности, что социализм находится в гармонии со всей реальностью и что в конце концов реальность должна восторжествовать — будущие лекции этих курсов будут стоять или падать.

Артур М. Льюис.

Чикаго, 27 декабря 07-го года.

ЭВОЛЮЦИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ОРГАНИЧЕСКАЯ

I. ФАЛЕС - ЛИННЕЮ.

“Ранние идеи, ” говорит Герберт Спенсер, “ обычно представляют собой смутные намеки на истину”, и какими бы многочисленными ни были исключения, это, несомненно, имело место в эволюционных спекуляциях древних греков. Величие этой замечательной республики находит одно из своих наиболее ярких проявлений в том факте, что столь многие великие современные идеи прослеживают свою родословную именно в Греции. Сэр Генри Мэн, юрист-историк, сказал, что “за исключением слепых сил природы, ничто не движется так, как то, что не является греческим по своему происхождению”. По сравнению со своими мечтательными восточными соседями Греция сияла, как метеор в безлунную ночь. Как говорит профессор Бернет, “Они перестали рассказывать сказки. Они отказались от безнадёжной задачи описать то, что было, когда еще ничего не было, и вместо этого спросили, чем все вещи на самом деле являются сейчас”, в то время как азиаты уклонялись от поиска причин, рассматривая, как метко замечает профессор Батчер, “каждое новое завоевание земли как кражу небес”.

Греки в значительной степени отказались от теологического мышления, населенного его благочестивыми фантазмами, и стремились проникнуть в природу материальной вселенной. Вот почему мы обнаруживаем довольно отчетливое, а иногда и поразительно ясное “пояснение” теории эволюции, пронизывающее, подобно золотой цепочке, бессмертные фрагменты их величайших мыслителей.

Что это такое, что есть на самом деле, и чем это только кажется? Что реально, а что только кажущееся? Это тема, которая объединяет греческую философию с современной мыслью, и именно поэтому остатки греческой литературы так ценны в двадцатом веке.

Считается, что Фалес из Милета, что в Малой Азии, был основателем греческой философии. “Он утверждал, что вода является принципом всех вещей”, - говорит Диоген Лаэртий, и он рассматривал всю жизнь как происходящую из воды, что отнюдь не чуждо современной науке.

Анаксимандр, также милезианец и младший современник Фалеса, который, как и он, процветал между 500 и 600 годами до нашей эры, говорил, что материальной причиной всех вещей является Бесконечность. “Это не вода и не что-либо другое из того, что сейчас называется элементами, но субстанция, отличная от них, которая бесконечна, из которой возникают все небеса и миры внутри них”. “Человек, - смело утверждает он, - ”изначально подобен другому животному, а именно рыбе“, - проницательная догадка, которая теперь является установленным фактом.

Анаксимен, третий и последний из милетских философов, хотя и внимательно следил за своими предшественниками по времени, не соглашался с ними относительно исходного материала вселенной. Он заявляет, что это воздух, который, “когда он расширяется настолько, что становится более разреженным, становится огнем, в то время как ветры, с другой стороны, являются конденсированным воздухом, Облако образуется из воздуха путем "валяния", и это, еще более конденсируясь, становится водой. Вода, уплотняясь еще больше, превращается в

землю; а когда она уплотняется настолько, насколько это возможно, - в камни”. Все это доказывает, что у Анаксимена был очень плодородный мозг.

Гераклитос, один из величайших греческих мыслителей, некоторое время жил в Эфесе и высказал следующее убедительное мнение о своих согражданах: “Эфесянам лучше было бы повеситься, всем взрослым мужчинам из них, и оставить город безбородым юношам; ибо они изгнали Гермодора, лучшего человека среди них, сказав: ”У нас не будет лучшего среди нас; если есть такой, пусть он будет таким в другом месте и среди других“. ” Согласно ему, все исходит из огня и возвращается в него, и "все вещи в огне". состояние изменчивости, подобное течению реки". Вот интеллектуальный предок Гегеля с его великим изречением. “Ничто не есть, все становится”. Гераклею мудро заметил: “Ты не можешь дважды войти в одну и ту же реку, ибо в тебя всегда вливаются свежие воды”.

Парменид, родившийся в Элеи около 515 года до н.э., был одновременно поэтом и философом и настаивал в своих гекзаметрических стихах на том, что вселенная - это единство, которое не возникло из ничего и ни в какой степени не могло исчезнуть, таким образом, более чем на 2000 лет предвосхитив доктрину Лавуазье о постоянстве материи.

Эмпедокл из Акрагаса на Сицилии примерно в то же время сформулировал эту великую истину с еще большей силой и ясностью: “Глупцы!— ибо у них нет далеко идущих мыслей - тех, кто считает, что то, чего раньше не было, возникает или что что-либо может погибнуть и быть полностью уничтожено. Ибо не может быть, чтобы что—то могло возникнуть из того, чего никоим образом нет, и невозможно и неслыханно, чтобы то, что есть, погибло; ибо это будет всегда, куда бы мы это ни вкладывали ”. Он также пытался объединить и примирить идеи некоторых из своих предшественников, уча, что все вещи происходят из четырех корней - воды, воздуха, огня и земли.

Анаксагор, родившийся около 500 года до н.э., был первым греком, пострадавшим за науку. Он предстал перед судом за утверждение, что солнце - это раскаленный докрасна камень, и, вероятно, ему пришлось бы несладко, если бы могущественный Перикл не был его другом. Если солнце было всего лишь огненным шаром, что стало с религией, основанной на поклонении Аполлону?

Почти полвека назад Ксенофан из Колофона высказал идеи, гораздо более неприятные для священников. Он сделал для своего времени то, что Фейербах сделал для девятнадцатого века — он объяснил происхождение богов антропоморфизмом. Он сказал: “Если бы у быков или львов были руки, и они могли бы рисовать руками и создавать произведения искусства, как это делают люди, лошади изображали бы формы богов, как лошади, а быки - как волы. Каждый представлял бы их с телами, соответствующими форме каждого. Итак, эфиопы делают своих богов черными и курносыми; фракийцы наделяют своих богов рыжими волосами и голубыми глазами. ” Если бы Ксенофан жил в Афинах, где только что произошло религиозное возрождение, он разделил бы судьбу, которая позже постигла нечестивого Сократа. К счастью для Ксенофана, в колонии, где он жил, “богам было предоставлено самим заботиться о себе”. Анаксагор был первым, кто определил, что вызывает затмения и освещение луны: “Луна не имеет собственного света, но получает его от солнца. Земля затмевает Луну, заслоняя от нее солнечный свет. Солнце затмевается в новолуние, когда луна заслоняет его от нас.”

Пифагорейцы, которых следует отличать от знахаря Пифагора, от которого они берут свое имя лишь косвенно, а не как ученики, верили, что реальность вселенной заключается в числах. Точность математических выводов ввела их в заблуждение, доведя до этого абсурда. Это было простительно грекам, для которых арифметические комбинации были такими же чудесными, как для нас электрические явления, но возрождение этого в наши дни астрологами и теософами не имеет такого оправдания.

Сократ, родившийся около 470 года до н.э. в Афинах, описывается как “курносый, толстогубый, с большим животом и глазами навыворот” — полная противоположность греческому идеалу красоты. Он верил, что знание само по себе принесет добродетель, и стремился обнаружить истинную основу знания. Его поиски привели его к конфликту с религиозным фанатизмом того времени, и в конце концов он был приговорен к смертной казни и умер от употребления болиголова в 399 году до н.э. Он ничего не написал, и его работы сохранились в основном благодаря его влиянию на Платона.

Левкипп и Демокрит связаны друг с другом своими утверждениями атомной теории, сделанными более чем за двадцать столетий до Дальтона. Они поместили постоянную реальность вещей в бесчисленные атомы, о которых Левкипп сказал: “их бесконечное количество, и они невидимы из-за малости своей массы”.

Платона мы пропустим мимо ушей; его метафизическая доктрина идей внесла мало ценного в решение загадки вселенной.

Теперь мы переходим к великому Стагириту, Аристотелю, основателю экспериментальной школы и отцу естественной истории. Родившийся в 384 году до нашей эры, он восемнадцатилетним юношей поступил в Академию под руководством Платона. Когда ему было тридцать шесть лет, Платон умер, и Аристотель покинул Афины. В сорок один год он стал учителем Александра Македонского. Он был величайшим из всех греков, и его исследования охватывали более широкий круг, чем любой из предшествующих мыслителей.

Стагейра, где он провел свое детство, находилась в заливе Стриноид, и здесь он наблюдал вариации и градации между морскими растениями и животными. То, что он классифицировал губку как животное, свидетельствует о его острой проницательности. Сравните это с Агасисом, противником дарвинизма, который в 19 веке объявил губку овощем.

Аристотель настаивал на наблюдении и опыте как основе знания. “Мы не должны принимать общий принцип только из логики, но должны доказать его применение к каждому факту. Ибо именно в фактах мы должны искать общие принципы, а они всегда должны соответствовать фактам”. Он отверг идею цели в природе, сказав: “Юпитер идет дождем не для того, чтобы увеличить урожайность зерна, а по необходимости”. Он подошел очень близко к протоплазме фон Моля, когда сказал: “Сначала должны были появиться микробы, а не сразу животные; и та мягкая масса, которая возникла первой, была зародышем”.

Минуя Эпикура, которого часто искажали, мы переходим двумя столетиями позже к знаменитому римскому поэту-философу Лукрецию. В этом последнем столетии, предшествующем христианской эре, Греция утратила свое высокое положение и стала римской провинцией. Но пока Рим аннексировал Грецию, греческая ученость покорила римский разум.

Лукреций в своей поэме “Система природы” с большой силой излагает атомную теорию своих греческих предшественников. Первый антрополог, он настолько близок к Спенсеру и Тайлору, что его идеи, а иногда даже предложения отдают 19 веком. “Прошлая история человека, - утверждает он, - заключается не в героическом или золотом веке, а в единой борьбе с дикостью”. О происхождении языка он говорит: “Природа побудила их произносить различные звуки языка и использовать вычеркнутые названия вещей”. О ранних сражениях первобытных людей он говорит: “Первым оружием человека были кисти, ногти и зубы, камни и сучья, отломанные в лесах, а также пламя и поджоги, как только они стали известны. Позже была открыта сила железа и меди, и использование меди было известно раньше, чем железа, поскольку с ней легче работать, и она встречается в большем количестве. С помощью меди они обрабатывали почву земли и разжигали волны войны. Затем медленными шагами железный меч завоевал популярность, и изготовление медного серпа стало притчей во языцех”. Имя Лукреция замыкает длинный ряд эволюционных первопроходцев древнего мира. Там золотая жила прекращается в том, что касается мышления, и не появляется вновь, пока не пройдет много веков.

С упадком Римской империи и приходом к власти христианства ученость была изгнана из Европы и нашла убежище среди арабов. Это подводит нас к темным временам, или средневековью. Именно в интерпретации явлений этого периода ломаются такие буржуазные вольнодумцы, как Клодд и Дрейпер. Они молчаливо предполагают, что в Европе эволюция была приостановлена более чем на тысячу лет; и все из-за христианской церкви. Они не в состоянии распознать более глубокую причину, средневековую форму производства богатства, которая дала церкви возможность подавлять образование в интересах землевладельцев, среди которых самой большой была церковь, владевшая третьей территории Европы.

Буржуазный радикал не может понять, что в этот период социальные процессы постепенно трансформировались и что закладывался экономический фундамент, который сделал бы возможным возрождение, поставил науку в неприступное положение и сделал неизбежным постепенное принятие эволюции. Энгельс говорит: “Средние века считались простым перерывом в истории из-за тысячелетнего варварства. Великие достижения Средневековья - расширение европейской учености, возникновение великих наций, которые возникали одна за другой, и, наконец, огромные технические достижения четырнадцатого и пятнадцатого веков — всего этого никто не видел”.

Но нельзя отрицать, что это был ужасный период для любого мыслителя, имевшего несчастье родиться в нем. Все, что было великого и благородного в мысли Греции и Рима, было строго подавлено. “Совершенствующий принцип” Аристотеля был использован в богословских целях. Изможденная форма его философии и буквальное толкование Священных Писаний составляли единственно допустимые занятия. Помимо этого разбавления Аристотеля, единственной вещью в греческой мысли, которая привлекала средневековый ум, было мистическое использование чисел Пифагором. Выводы, сделанные с помощью этого метода, были поистине замечательными, особенно если вспомнить, что в них участвовали такие выдающиеся люди, как Августин, знаменитый епископ Гиппонский.

Вот примеры: Поскольку в троице есть три личности, Отец, Сын и Святой Дух, три чина в церкви, епископы, священники и дьяконы; три степени достижения, света, чистоты и знания; три добродетели, вера, надежда и милосердие, и три глаза у пчелы; следовательно, может быть

только три цвета: красный, желтый и синий. Потому что в апокалипсисе было семь церквей, семь золотых подсвечников, семь главных добродетелей, семь смертных грехов и семь таинств; следовательно, могло быть только семь планет и семь металлов. Потому что было семьдесят два ученика и семьдесят два толкователя ветхого завета и семидесяти двух мистических имен Бога; следовательно, в человеческом теле должно быть не больше и не меньше семидесяти двух суставов.

В тот период в европейских городах не было ни мощения, ни освещения, и в Лондоне или Париже нельзя было переступить порог, не увязнув по щиколотку в грязи. У них практически не было дренажа, и они часто подвергались опустошению от чумы. Но города Андалусии, построенные и управляемые маврами в Испании, были осушены, хорошо освещены и мощены. В них были публичные библиотеки и государственные школы. Из их медицинских колледжей Европа получила единственных врачей, которые у нее были.

В городах христианской Европы с этими просвещенными людьми обращались как с собаками, в то время как в их замечательных городах приезжих христиан встречали с гостеприимством и широкой терпимостью, совершенно исключительными для средневековья.

В Европе даже к концу этого периода широкое научное мышление было невозможно. Николай Коперник в 16 веке, боясь педераста, носил как тайну, запертую у себя за пазухой, ту гелиоцентрическую теорию, которая является основой современной астрономии. Его великий ученик Джордано Бруно за то, что с редким талантом изложил эту теорию, после того как она была раскрыта великим пруссаком, был затравлен по всей Европе, как дикий зверь, и в конце концов сожжен на костре.

По той же причине третье лицо в троице величайших мыслителей XVI века, Галилей, подвергался преследованиям и унижениям и в конце концов умер узником в собственном доме.

Но на протяжении всего этого периода, несмотря на интеллектуальный застой, продолжалась экономическая эволюция, закладывая фундамент для новой интеллектуальной надстройки. Эта эволюция проявилась главным образом в возвышении и росте торгового класса.

Существованию такого класса в своем обществе арабы были обязаны своей большей либеральностью и научным духом. Когда Васка Да Гама плыл вдоль западного побережья Африки и вокруг мыса Доброй Надежды в Индийский океан, полагаясь на случай в исходе своего путешествия, он обнаружил, что арабы направляют свои суда с помощью странного инструмента, который мы теперь называем компасом моряка.

Генуэзские и испанские купцы обнаружили, что ортодоксальные суеверия не помогают, а серьезно вредят их торговле. Капитанами своих кораблей они предпочитали по чисто экономическим причинам людей, заразившихся идеями мореплавания арабских язычников, людям, которые переняли свои представления о вселенной у городского епископа или деревенского священника и держали свои корабли поближе к суше, боясь, что они уплывут за край света или попадут в ту огромную дыру, куда ангелы помещают солнце ночью, после того как закончат катать его по небу.

Это был рост и окончательный триумф этого торгового класса с экономическими интересами и способом производства богатства, которые требовали освобождения науки, упразднившей "палец о палец" и ставку. Вольтер, Руссо и энциклопедисты были противны феодальному

режиму, как мирянам, так и клерикалам, потому что они были пророками и рупорами поднимающейся буржуазии.

Этот класс, освободив науку, оказал неоценимую услугу человечеству. Общество, в котором она преобладала, сразу же произвело на свет множество великих мыслителей. В Швеции был Линней, в Англии - Лайель, в Германии - Гете, но пальма первенства досталась Франции. Во время революции Франция закрыла Сорбонну, это богословское учреждение, которое всегда являлось официальным и непримиримым врагом науки, и вскоре после этого она снарядила научные экспедиции, которые дали ей величайших мыслителей того времени — Кювье, Сент-Илера и, что самое выдающееся из всех, отважного пионера современной эволюции Жана Ламарка.

Положение класса капиталистов сто лет назад сильно отличалось от сегодняшнего. Тогда это был предвестник прогресса; теперь это оплот реакции. Его интересы тогда сильно отличались от нынешних. Тогда судьба призвала его направить общество в новые воды; теперь судьба велит ему, поскольку его задача выполнена, отойти в сторону, чтобы новая рука могла взяться за штурвал. Тогда она боролась с общественным порядком, который отжил свое, а теперь она находится в эпицентре социальных сил, которыми она не может управлять. Такова была его буйная юность; такова его дряхлеющая старость.

Когда буржуазия освободила науку от феодальных цепей, она высвободила силу, которая привела ее к победе, но в тот момент она посеяла зародыши своего собственного будущего разрушения. Сегодня она меняет свое отношение и охотно подавила бы науку или, по крайней мере, помешала бы ей проникнуть в пролетарский мозг. Но, увы, оно находится во власти эволюционных процессов, частью которых оно является, и оно привязано более надежно, чем Прометей к скале, к способу производства, который делает образование пролетариата непреложной необходимостью. Нация, которая держит свой рабочий класс в полуфеодальной тьме, раздроблена на куски промышленной конкуренцией своих соседей — она идет на попятную в борьбе за существование. Таким образом, на языке Маркса, нынешняя необходимость вынуждает его рыть себе будущую могилу.

Та же самая непостижимая сила, которая призвала его к тому, чтобы привести общество к новому триумфу, теперь отодвигает его на задний план и возводит на его место новый класс, неимущий рабочий класс, порождение системы наемного труда, которому суждено освободить себя и, тем же ударом, весь человеческий род. Если это не миссия рабочего класса как инструмента социальной эволюции, то пресса и платформа социалистического движения - бесполезное растрачивание энергии. Но это именно то, что доказал Маркс, когда заложил основы социалистической философии.

Каждый год приносит свою порцию доказательств того, что рабочий класс наращивает политический потенциал и социальный интеллект, необходимые для выполнения этой грандиозной задачи.

Норвегия устала от шведского господства и решила добиться национальной независимости. Шведская буржуазия сразу же начала подготавливать свои чресла к кровавой династической войне. Избалованные отпрыски местной аристократии, неспособные сделать что-либо полезное, должны были снискать славу, командуя из тыла полками шведских рабочих, чтобы убивать и быть убитыми своими эксплуатируемыми норвежскими братьями. Но пока эти

зловещие приготовления шли полным ходом, огромная армия норвежцев пересекла границу Швеции и встретила шведскую армию такого же масштаба. Обошлось без кровопролития, поскольку обе армии были безоружны. Вместо штыков и игольчатых ружей у них были жены и дети. Они общались по-братски, они пожимали друг другу руки, они подбрасывали младенцев друг другу на руки. С этого момента война стала невозможной. Они не несли ни национального знамени Швеции, ни Норвегии. Над обеими этими великими армиями, ставшими теперь единым целым, поющими песни солидарности рабочего класса, реял красный флаг социальной революции.

II. ОТ ЛИННЕЯ К ЛАМАРКУ.

В течение ста лет слово “прогресс” вызывало ассоциации. Ни одно предложение не является слишком реакционным, чтобы выдвигаться от его имени, и самопровозглашенный консерватор объясняет, что он всего лишь хочет “сохранить” то хорошее, что даровал нам прогресс. К нему обращались со всех сторон по всем вопросам, и ни одно суеверие не было таким древним или абсурдным, ни одна теория не пользовалась таким успехом, но его можно было возродить под новым названием и представить миру как безошибочный признак прогресса эпохи.

Но в течение последнего столетия появились люди, которых не удовлетворил термин, который охватывал все и ничего не значил, и которые были полны решимости выяснить, что представляет собой прогресс и существует ли он вообще в мире реальности. За это столетие в этом отношении было достигнуто больше, чем за все предыдущее существование человечества вместе взятое. Концепция или идея прогресса - это ментальное отражение процесса эволюции, который действует повсюду, вплоть до самой отдаленной ниши или щели в материальной вселенной. Единственное различие между прогрессом и эволюцией состоит в том, что эволюция - это более всеобъемлющий термин, включающий в себя явления, которые мы должны назвать регрессивными.

Люди, заложившие основы современного знания и придавшие смысл и силу доселе бессмысленным терминам, были теми, кто отбросил теологические фантазии и метафизические спекуляции и поставил перед собой задачу сбора фактов и установления законов реального—материального—мира. Таков научный метод, и именно этому методу мы обязаны всеми нашими знаниями о мировых проблемах.

Более тысячи лет этот метод был практически приостановлен. Любая попытка в тот период использовать его строго пресекалась, за исключением арабов-язычников. Биологическая наука стояла на месте, едва ли даже топчась на месте. Паккард говорит: “После Аристотеля не возникло ни одного эпохального зоолога, пока не родился Линней”, - зияющая пропасть в тысячу триста лет.

Линней, родившийся в 1707 году в Швеции, был величайшим естествоиспытателем своего времени и мог бы многое сделать для развития эволюционных идей, если бы не теологическое

влияние, которое сдерживало его. Но, несмотря на все препятствия, он достиг достаточно, чтобы занять место среди бессмертных. “Ботаника казалась ему хаосом”, - говорит профессор. Тэтчер, “и оставил это единство”. Его вклад в науку заключается главным образом в его системе классификации и номенклатуры. До Линнея никому не удавалось, хотя многие пытались, сгруппировать животные и растительные формы и дать им названия таким образом, чтобы избавить их от полной путаницы. Это именно то, что сделал Линней, когда, движимый счастливой идеей, принял то, что называется “бинарной номенклатурой”.

Этот значительный прогресс ни в коем случае не был надуманным; это просто повсеместное применение двойного наименования, как в случае с Томом Смитом, Фредом Смитом, Джеймсом Смитом, в котором Смит используется для обозначения общего или семейного имени, а Фред или Том - частного или личного. Применяя эту систему к видам, Линней изменил порядок, как это делаем мы, когда вносим имена людей в алфавитный список, как Смит, Фред и Смит, Джеймс. В качестве иллюстраций мы возьмем два случая, один из животного, а другой из растительного мира, выбранные Геккелем с той же целью. Общее название кошки - *Felis*. Обычная кошка - *Felis domestica*; дикая кошка - *Felis catus*; пантера - *Felis pardus*; ягуар - *Felis onca*; тигр - *Felis tigris*; лев - *Felis leo*. Все эти вторые названия являются названиями шести видов одного рода — *Felis*. В качестве примера в ботанике возьмем род сосна. Согласно Линнею, сосна - *Pinus abies*; ель - *Pinus picea*; лиственница - *Pinus larix*; итальянская сосна - *Pinus pinea*; сибирская каменная сосна - *Pinus cembra*; коленчатая древесина - *Pinus mughus*; сосна обыкновенная - *Pinus silvestris*. Семь вторых названий относятся к семи видам рода *Pinus*.

Но это еще не все. Помимо разделения видов на роды, Линней классифицировал определенные роды как принадлежащие к одному и тому же “порядку”. Он снова разделил эти “порядки” на “классы”, все эти классы принадлежали к одному из двух великих “царств”, растительному и животному.

Все это имело не только огромную практическую ценность, но и неисчислимо теоретическое влияние. Линней никогда не видел и, вероятно, не осмелился бы заявить, если бы видел, что сходства, которые сделали возможной его группировку, указывают на родство, основанное на происхождении от общих предков. Это было оставлено для людей большей проницательности и мужества, живущих в менее богословский век. Прелаты, которые улыбались непристойному разврату Людовика XV. были ли труды Линнея запрещены в папской области, потому что они доказывали существование пола у растений.

Линней не только доказал наличие пола у растений, но и положил его в основу своей классификации. Он также напоминает нам, что в древности жители Востока знали, что растения бывают обоего пола. Питаясь плодами финиковых пальм, они сочли необходимым сажать мужские деревья среди женских. Их враги во время войны нанесли ужасный удар, когда вырубали мужские деревья, тем самым доводя их до голода. Иногда жители сами уничтожали мужские деревья во время надвигающегося вторжения, чтобы враг не мог найти пропитания в их стране; военная мера, подобная той, что применяли русские, которые сожгли Москву перед лицом Наполеона.

В том же году, когда в Швеции родился Линней, во Франции родился Бюффон. Богатый и независимый, он решил посвятить долгую жизнь изучению естественной истории. Он обладал недюжинными исследовательскими способностями и проявил гениальность в представлении результатов своего исследования. Но, увы! у него было меньше мужества, чем у Линнея, и он

жил ближе к этому ужасному врагу науки восемнадцатого века, теологическому факультету Парижского университета — ужасной Сорбонне.

Пока он ограничивался простым описанием животных, он был любимцем церкви, что, по-видимому, доставляло ему удовольствие, но когда он начал делать эволюционные выводы, имеющие реальное философское значение, Сорбонна сразу же открыла огонь по своим батареям. В этих случаях отступление Буффона было быстрым и без протестов. В качестве некоторого смягчения его трусости можно вспомнить тот факт, что, хотя правление кола и педераста не распространилось на 18 век и не было никакой опасности за судьбу бесстрашного Бруно, все же религиозный фанатизм был настолько силен даже в этот период, что Руссо был изгнан из Франции, его книги сожжены государственным палачом, а Дидро попал в тюрьму. “Едва ли хоть один литератор того времени избежал произвольного тюремного заключения”, - говорит Джон Морли в своем “Руссо”.

Все это было очень противно гордыне и тщеславию Бюффона и привело его к принятию стиля письма, который был в моде столетием ранее, когда богословская рука была тяжела как смерть. Этот метод состоял в том, чтобы выдвинуть новую идею как ересь или просто фантазию, объяснить ее, а затем с большой серьезностью опровергнуть ее в пользу ортодоксальной точки зрения. Этот метод превосходно срабатывал до тех пор, пока не пробил брешь в мозгах религиозных фанатиков, убедив их в том, что аргументы в пользу “ереси” были более убедительными, чем притворный ответ.

Прекрасный пример этого приводится в четвертом томе “Естественной истории” Бюффона. “Если мы однажды допустим, - говорит он, “ что осел принадлежит к семейству лошадей и что он отличается от него только тем, что был модифицирован, мы можем точно так же сказать, что обезьяна принадлежит к тому же семейству, что и человек, что это модифицированный человек, что человек и обезьяна имели общее происхождение, как лошадь и осел, что каждое семейство имело только один источник и даже что все животные произошли от одного животного, которое в череде веков произвело, совершенствуясь и видоизменяясь, все расы других животных.... Если бы было известно, что у животных существовало, я не говорю, несколько видов, но один-единственный, который произошел путем модификации от другого вида; если бы было правдой, что осел - это всего лишь модифицированная лошадь, не было бы предела могуществу природы, и мы не ошиблись бы, предположив, что от одного существа она научилась выводить со временем все другие организованные существа ”.

В “Системе природы” Линнея нет такого четкого изложения эволюционной теории, и если бы Бюффон провозгласил эти взгляды своими собственными и мужественно защищал их, он сделал бы свое имя величайшим в 18 веке и облек себя бессмертием. Но материал о мучениках не входил в его сочинение, и самый следующий отрывок к приведенному выше, переведенный, гласит: “Но нет! Из откровения явствует, что все животные одинаково были удостоены благодати акта непосредственного творения и что первая пара каждого вида вышла полностью сформированной из рук создателя ”.

Когда Сорбонна решила, что ее одурачили, она вынудила Буффона публично отречься и опубликовать свое отречение. В этом отречении он объявил: “Я отказываюсь от всего в моей книге, касающегося образования земли, и вообще от всего, что может противоречить повествованию Моисея”.

Впечатление, которое мы получаем от чтения Буффона, таково, что он не осознавал важности тех великих эволюционных идей, которые он так хорошо излагал и так же регулярно отвергал. Если бы он сделал это и поддержал их, он был бы Дарвином своего времени, но, по всей вероятности, последнюю часть своей жизни он провел бы в Бастилии.

Только сорок лет спустя мы встречаем настоящего и доблестного предшественника Дарвина, хотя и земляка Буффона, но с более глубоким философским складом ума и без присущего ему страха. Это был Жан Батист Ламарк, родившийся в Базентене, Франция, в 1744 году, и получивший образование в колледже иезуитов в Амьене. Он служил в семилетней войне, а затем занялся изучением медицины и естественных наук в Париже. Он умер, бедный и слепой, в 1829 году.

Ламарк смело провозгласил свою непоколебимую веру в доктрину преобразования видов и защитил ее от сильной волны народной немилости и подавляющего сопротивления, вызванного антагонизмом великого зоолога Кювье. Сопротивление Кювье сокрушило бы более слабого человека, но Ламарк мужественно держался и спокойно оставил его дело на усмотрение будущего. Кювье считал виды постоянными, что соответствовало современным ортодоксальным идеям. Это сделало его любимцем общества и церкви, и почести щедро осыпались на него до конца его дней. Не так обстояло дело с Ламарком; хотя он родился на 25 лет раньше, его теории на полвека опережали теории Кювье, и он заплатил за это наказание, которое так часто постигало тех пионеров, чье видение предвосхищало будущее.

“Атакованный со всех сторон, ” говорит его друг и коллега Жоффруа Сент-Илер, - задетый также гнусными насмешками, Ламарк, слишком возмущенный, чтобы отвечать на эти язвительные эпиграммы, сносил унижение с печальным терпением.... Ламарк долгое время жил бедным, слепым и покинутым, но не мной; я всегда буду любить и боготворить его”. Другой писатель того периода восклицает: “Ламарк, твоя заброшенность, какой бы печальной она ни была в твоей старости, лучше, чем эфемерная слава людей, которые поддерживают свою репутацию, разделяя ошибки своего времени”. Что касается Кювье, то единственным пятном на его карьере является недостойное отношение к своему знаменитому оппоненту и коллеге по работе. Ламарк со свойственной ему щедростью помог и благоволил ему, когда он впервые пришел в Музей естественной истории в Париже, позволив ему занять, в дополнение к его собственной кафедре зоологии позвоночных, кафедру моллюсков, которая была в особой области Ламарка, где ему не было равных, и которая по праву принадлежала ему. Но Ламарк с большой вежливостью и без упоминания его имени выступил против попытки Кювье согласовать науку с ортодоксальной теологией своего времени посредством теории “катаклизмов”, которая, несмотря на то, что ее усиленно защищал такой недавний мыслитель, как Агассис, была отнесена к разряду взорванных теорий.

Когда Ламарк умер, Кювье, как его самый выдающийся современник, был призван произнести надгробную речь. Какое это было жалкое и недостойное выступление! Даже после смерти религиозная антипатия — этот неиссякаемый источник подлости - сохранилась в груди Кювье, и Де Бленвиль записывает, что “Академия даже не разрешила печатать это в том виде, в каком оно было произнесено”, и говорится, что отдельные части этого пришлось исключить как непригодные для публикации. Геккель, говоря о великой книге Ламарка “Зоологическая философия”, жалуется, что “Кювье, величайший оппонент Ламарка, в своем ”Отчете о

прогрессе естествознания", в котором перечисляются самые незначительные анатомические исследования, не посвящает ни единого слова этому труду, составляющему эпоху в науке".

Но история изменила чашу весов, и потомство исправило ошибку. Эта теория биологической эволюции, которую презирали и отвергали строители его времени, стала краеугольным камнем современного знания, в то время как фантастическая "Теория Земли" Кювье попала в музей раритетов.

Бессмертие Ламарка обеспечено только его утверждением и защитой теории происхождения. Эта теория заключается в том, что все существующие виды произошли от предков, которые в огромном количестве случаев и, в конечном счете, во всех сильно отличались от своих нынешних представителей; что это различие обусловлено не полным исчезновением предыдущих видов в результате "катаклизмов" и божественным сотворением новых, как утверждал Кювье, а тем, что предыдущие виды изменились, приспособиваясь к изменившейся среде.

Но у Ламарка есть и другая претензия на нишу в Пантеоне Науки. По мере того как укреплялось убеждение, что виды не были фиксированными и неизменными, поскольку они вышли из рук предполагаемого создателя, а были продуктами эволюционного развития, растянувшегося на огромные периоды времени, возник другой вопрос, требующий ответа. Этот вопрос звучал так: "Каким способом?"

Чарльз Дарвин - самый прославленный из всех сынов науки, потому что он ответил на этот вопрос. Ламарк дал ответ, и вопрос о том, имеет ли право этот ответ быть включенным в ответ Дарвина, поскольку дополнительная поправка иногда становится частью предложения, все еще разделяет биологический мир на два лагеря. Но в этом споре между вейсманианцами и неоламаркианцами, метко названном "Битвой дарвинистов", независимо от того, что происходит с ламарковским фактором, все согласны с тем, что "естественный отбор" Дарвина неуязвим.

Теорию Ламарка можно резюмировать следующим образом —

- (1.) Каждое изменение среды обитания животных создает у них новые потребности.
- (2.) Эти новые потребности заставят этих животных принять новые привычки и отказаться от некоторых старых, и эти потребности и привычки приведут к образованию и развитию новых органов.
- (3.) Развитие или исчезновение органов зависит от их использования или неиспользования.
- (4.) Последствия использования или неиспользования, приобретенные животными, передаются по наследству их потомству.

Этот четвертый фактор расколол биологический мир с тех пор, как Вейсман отверг его в 1883 году.

В качестве типичного примера действия своей теории Ламарк приводит следующее: "Поскольку змеи приобрели привычку скользить по земле и прятаться в траве, их тело из-за постоянно повторяющихся попыток удлиниться, чтобы пройти через узкие пространства, приобрело значительную длину, непропорциональную своему размеру. Более того, конечности

были бы совершенно бесполезны для этих животных и, следовательно, не использовались бы, потому что длинные ноги мешали бы им скользить, а очень короткие ноги, которых было не более четырех, были бы неспособны двигать их телом. Следовательно, отсутствие использования этих частей, которое было постоянным в расах этих животных, привело к полному исчезновению тех же самых частей, хотя действительно включено в план организации животных их класса”.

Идея о том, что змея приобретает свое длинное тело, или жираф - длинную шею, или береговые птицы - длинные ноги путем “вытягивания”, вызвала немало насмешек над теорией Ламарка, и эта ее часть никогда не воспринималась всерьез.

Однако эта ошибка повлияет на право Ламарка на место среди бессмертных не больше, чем столь же неудачная теория “пангенезиса” поставит под угрозу статус его еще более великого преемника — Дарвина.

Слава Ламарка заключается в том, что он смело провозгласил и в значительной степени доказал общую теорию происхождения —биологическую эволюцию.

Теперь мы перейдем к рассмотрению усилий великих ученых, пришедших ему на смену, по выяснению его процессов.

III. ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР По ДАРВИНУ.

В 1906 году газета, имеющая самый большой тираж среди английских социалистов, “Кларион”, провела голосование своих читателей относительно того, кого они считают величайшим человеком, человеком, внесшим наибольший вклад в прогресс расы, которую породила Англия. Подавляющим большинством голосов почетное место досталось Чарльзу Дарвину. Это голосование было в такой же степени оправданием английских социалистов, как и человека, чье имя стало почти синонимом “современной науки”.

Либкнехт в своих “Биографических мемуарах Карла Маркса”, говоря о Марксе и о себе, говорит: “Когда Дарвин подвел итоги своих исследований и представил их публике, мы месяцами говорили только о Дарвине и революционной силе его научных завоеваний”.

Леопольд Якоби пишет так: “В том же году, когда появилась книга Дарвина (1859), и исходя из совершенно другого направления, идентичный импульс очень важному развитию социальных наук был придан работой, которая долгое время оставалась незамеченной и носила название: “Критика политической экономии” Карла Маркса — это был предшественник “Капитала”. То, что книга Дарвина “Происхождение видов” посвящена генезису и эволюции органической жизни от неразумной природы до Человека, работа Маркса посвящена генезису и эволюции ассоциаций между людьми, государств и социальных форм человечества”.

Комментируя этот отрывок из книги Якоби, Энрико Ферри говорит: “И вот почему Германия, которая была наиболее плодотворным полем для развития дарвиновских теорий, также является наиболее плодотворным полем для разумной, систематической пропаганды социалистических идей. И именно по этой причине в Берлине на витринах книжных магазинов социалистической пропаганды труды Чарльза Дарвина занимают почетное место рядом с трудами Карла Маркса”.

Фридрих Энгельс в своем ответе Дюрингу говорит о Дарвине следующее: “Он нанес метафизической концепции природы тяжелейший удар своим доказательством того, что все органические существа, растения, животные и сам человек, являются продуктами процесса эволюции, продолжавшегося миллионы лет. В этой связи Дарвин должен быть назван первым среди всех остальных”.

Опять же, в предисловии к “Манифесту Коммунистической партии”, говоря о материалистической концепции истории, он говорит: “Этому предложению, по моему мнению, суждено сделать для истории то, что теория Дарвина сделала для биологии”.

И, выступая у могилы своего выдающегося коллеги Маркса, он сказал: “Точно так же, как Дарвин открыл закон развития в органической природе, Маркс открыл закон развития в человеческом обществе”.

Говорит Август Бебель в “Женщине”: “Маркс, Дарвин, Бакль - все трое, каждый по-своему, имели величайшее значение для современного развития, и будущая форма и рост человеческого общества будут в высшей степени формироваться и направляться их учением и открытиями”.

А Каутский в своей работе по этике заявляет, что открытия Дарвина “принадлежат величайшему и наиболее плодотворному проявлению человеческого интеллекта и позволяют нам разработать новую критику знания”.

Эрнест Унтерманн в своей последней работе “Марксистская экономика” хорошо говорит: “Маркс открыл особые законы социального развития людей. * * * Но при этом ему никогда не приходило в голову пренебречь результатами работы Дарвина. Напротив, он владел искусством сочетать результаты Дарвина со своими собственными, не применяя насилия ни к тем, ни к другим”.

Это свидетельство общего согласия ученых-социалистов относительно ценности работ Дарвина и их особого значения для социализма можно легко увеличивать до бесконечности. Но было приведено достаточно, чтобы показать, что всестороннее понимание социалистической философии подразумевает знание дарвиновских теорий.

Величие работы Дарвина имеет два аспекта: огромный импульс, который он придал общей теории эволюции, и его открытие ее главного процесса - “естественного отбора”. В массовом сознании это различие теряется в неразберихе, и огромная армия популярных, но плохо информированных толкователей усугубляет неразбериху. Эти две вещи, хотя и тесно связаны — причина и следствие, — все же совершенно различны, и более ясное понимание работы Дарвина становится возможным благодаря тому, что мы помним об этом различии. Честь открытия “естественного отбора” Дарвин разделяет только с Уоллесом; как вклад в теорию эволюции, он принадлежит к длинной и прославленной линии. Но даже здесь он является

величайшим из них всех именно благодаря своему конкретному открытию, которое, объясняя, как работает эволюция — по крайней мере, среди живых существ (биология), — сделало общую теорию неприступной.

Прежде чем перейти к этой конкретной теории, давайте четко поймем, что эволюция перестала быть просто теорией, это также хорошо установленный факт. Любой, кто отрицает это, не имеет никакого отношения к интеллектуальной жизни последних пятидесяти лет. Такой человек, как недавно сказал профессор Гиддингс, “обитает в мире интеллектуальных оттенков. Он не может постичь земных интересов двадцатого века”.

Каждая наука в биологической иерархии внесла свою лепту в создание теории эволюции, и эта теория, в свою очередь, в одном отделе за другим создала порядок и систему там, где раньше не существовало ничего, кроме нагромождения явно не связанных между собой фактов. Теория настолько основательно пропитала все отрасли науки, что толковый стоматолог должен быть эволюционистом.

Главные почести выпадают двум наукам - онтогенезу и филогенезу. Онтогенез имеет дело с историей зародыша от его зарождения в виде яйцеклетки до его полного развития в качестве полностью развитой особи, или, как определяет это Геккель, “историей эволюции отдельных человеческих организмов”. Филогения определяется тем же авторитетом, что и “история эволюции происхождения человека, то есть эволюции различных животных форм, через которые в течение бесчисленных веков человечество постепенно перешло к своей нынешней форме”.

Я упоминаю эти две науки вместе, потому что именно при их сравнении проявляется их главное значение. Одним из самых поразительных открытий науки и в то же время одним из наиболее убедительных доказательств эволюции является то, что весь процесс развития человеческого рода от низших или простейших форм, составляющий предмет филогении, вкратце воспроизводится в развитии эмбриона индивида. Этот замечательный факт Геккель назвал “биогенетическим принципом”.

Однако главная претензия Дарвина на пьедестал в зале славы основана на его открытии “естественного отбора”.

Во время своего незабываемого путешествия на “Бигле” он заметил, что не существует существенной связи между репродуктивными способностями вида и численностью его популяции. Поскольку это открытие играет важную роль в его теории, мы позволим ему говорить самому за себя. В своем “Журнале исследований” он приводит следующий случай со своим заключением: “Я был удивлен, обнаружив при подсчете яиц большого белого дориса (разновидность морского слизняка), насколько необычайно многочисленными они были. От двух до пяти яиц (каждое диаметром в три тысячных дюйма) помещались в маленькую сферическую коробочку. Они были расположены в два глубоких поперечных ряда, образующих ленту. Лента прикреплялась к камню в виде овальной сферы. Одна из них, которую я нашел, имела размеры почти двадцать дюймов в длину и полдюйма в ширину. Подсчитав, сколько шариков помещалось в одной десятой дюйма в ряду и сколько рядов на ленте равной длины, по самым скромным подсчетам получилось шестьсот тысяч яиц. Тем не менее, эта Дорис, безусловно, была не очень распространенной: хотя я часто искал под камнями, я видел только

семь особей. Нет более распространенной среди натуралистов ошибки, чем утверждение, что численность отдельного вида зависит от его способности к размножению”.

Этот пример является умеренным по сравнению с множеством других. Тогда возникает вопрос, почему из такого многочисленного потомства только достаточное количество достигает взрослой стадии, которая заменит родительский поголовье, так что популяция остается практически неизменной.

Здесь Дарвин оказался в долгу перед доктором Мальтусом, который, если бы не этот долг, был бы забыт еще раньше. В своем “Эссе о народонаселении” Мальтус указывает на различные “препятствия” увеличению численности населения. Его основная теория заключалась в том, что население имеет тенденцию увеличиваться быстрее, чем запасы продовольствия. Преподобный доктор, родивший у себя двенадцать детей, почувствовал себя “призванным” указать британским родителям на желательность и даже необходимость ограничения их семей в интересах общества. Мальтус применил свою теорию к человеческому обществу, где она явно ложна. Дарвин перенес ее в мир природы, где она оказалась великой истиной. Очевидное объяснение этого парадокса таково: человек с помощью сельского хозяйства и промышленности может увеличить свои запасы продовольствия в большей степени, чем любое вероятное или даже возможное увеличение численности населения. Животные не могут; их запасы пищи находятся вне их контроля; у них нет возможности искусственно увеличить их запасы. Это различие полностью уничтожило ценность книги Мальтуса как трактата по политической экономии. Его бессмертие гарантировано исключительно потому, что он случайно внес свой вклад в цепочку Дарвина.

И вот Дарвин уже проделал свой великий путь: животные размножаются в огромных количествах, но их популяция, как правило, не увеличивается. Основная причина этого, хотя есть и другие, заключается в том, что их количество ограничено количеством доступной пищи. Следовательно, если два родителя произведут на свет десять тысяч особей, только две или три достигнут зрелости: остальные погибнут. Оставшаяся часть проблемы, которую Дарвину все еще оставалось решить, заключалась в следующем: во-первых, существует ли какой-либо закон, определяющий, что выживет, а что будет уничтожено; и, во-вторых, если такой закон существует, объяснит ли этот закон и, таким образом, в то же время докажет ли происхождение новых видов? Именно потому, что Дарвин разрешил оба пункта этой огромной проблемы ясным и неопровержимым образом, он занимает ведущее место в анналах науки.

Профессор Джон Фiske сказал: “Есть одна вещь, к которой никогда не следует призывать человека оригинального научного или философского гения в правильно устроенном мире. Он никогда не должен быть призван зарабатывать себе на жизнь; ибо это жалкая трата энергии, при которой высочайшая интеллектуальная мощь, несомненно, понесет серьезный ущерб и рискует быть растроченной впустую и привести к безнадежному краху”.

Независимо от того, был ли прав Фiske или нет, единственный важный момент здесь заключается в том, что Дарвин был избавлен от этой необходимости.

В своей великой задаче он проявил терпение, которому нет равных. Один из его биографов, Грант Аллен, рассказывает нам следующее: “Его дядя и тесть, Джосайя Веджвуд, предположил ему, что кажущееся оседание камней на поверхности на самом деле может быть вызвано отложениями дождевых червей. Итак, как только у него появилась собственная земля для

экспериментов, в 1842 году он начал посыпать битым мелом поле в Дауне, на котором двадцать девять лет спустя, в 1871 году, была вырыта траншея для проверки результатов. “Какой другой натуралист, - спрашивает Аллен, - когда-либо ждал так долго и терпеливо, чтобы обнаружить результат одного-единственного эксперимента?” Разве это удивительно, что человек, который так работал, преуспел не верой, а логикой, свернув горы?”

Дарвин изучал домашних животных. Он заметил, как много и насколько сильно различаются расы лошадей, собак, свиней, домашней птицы в целом и голубей в частности. В каждом случае многие разновидности выведены из исходного общего поголовья, например, домашняя птица - от индийской лесной птицы, а голуби - от скалистой голубки старого света.

“Выведен”, но как — каким процессом? В случае домашних животных ответить на этот вопрос было нетрудно. Это достигается путем селекции особей, от которых они будут выведены. В случае с голубями, на которых Дарвин придавал особое значение, любитель, по-видимому, мог получить практически любой вид птиц, выбирая в качестве родителей тех голубей, у которых желаемые характеристики были развиты в наиболее выраженной степени, а затем снова отбирая таким же образом из их потомства. Таким образом были выведены птицы, столь непохожие друг на друга и на своих предков, как акробат, веерохвост, дутыш и около ста пятидесяти других разновидностей. То же самое с лошадьми. Если заводчику нужны были упряжные лошади, он выбирал для родителей животных с массивными плечами и крепкими конечностями. Когда скакун выигрывает “классическую” гонку, его сразу же отправляют на конезавод. Хотя в зените своего могущества он больше не участвует в гонках; он “выбран” для другой, более важной роли — воспроизведения и, как мы надеемся, усиления характеристик, которые позволили ему обогнать своих конкурентов.

Все это запечатлело в сознании Дарвина важность слова “отбор”, которое фигурирует в названии его теории и подзаголовке его эпохальной книги. Возможно ли, что природа содержала какой-то принцип или комбинацию принципов, которые выполняли среди диких животных роль, аналогичную роли заводчика среди домашних животных? Дарвин обнаружил, что именно это и происходит. Его знаменитую теорию можно сформулировать под тремя следующими заголовками:

(1) Наследственность.

(2) Вариация.

(3) Борьба за существование, результатом которой является выживание наиболее приспособленных.

Дарвин очень мало требует от наследственности, и то, чего он требует, не подлежит сомнению. Для его теории достаточно, если подобное порождает подобное и “инжир не растет на чертополохе”.

Аналогично с вариацией, требования его гипотезы очень незначительны. Если признать, что вариация - это факт, что потомство действительно отличается от своих родителей и друг от друга, этого достаточно. И кто станет оспаривать это в мире, где нет двух абсолютно одинаковых существ во всех деталях? Очевидное противоречие, заключающееся в том, что наследственность требует сходства, в то время как вариативность требует различий, лежит на поверхности - оно нереально. Сходство общее, в то время как различие частное. Овца может

родиться с более короткими или длинными ногами, в зависимости от вариации; но по наследству это будет овца, а не лошадь.

В качестве примера работы теории давайте возьмем произведение Ламарка о сопротивлении - жирафа. Ламарк говорит: “Мы знаем, что это животное, самое высокое из млекопитающих, обитает во внутренних районах Африки и что оно обитает в местностях, где земля, почти всегда засушливая и лишенная растительности, вынуждает его рыться в листве деревьев и прилагать постоянные усилия, чтобы добраться до нее. Результатом этой привычки, долгое время сохранявшейся у всех особей его расы, стало то, что его передние ноги стали длиннее задних, а шея настолько вытянулась, что жираф, не вставая на задние лапы, поднимает голову и достигает шести метров в высоту (почти двадцати футов)”.

Ламарк считал, что такая длина шеи была приобретена в результате “постоянных усилий дотянуться”, или, как выразился Альфред Рассел Уоллес в своей критике Ламарка, “вытягивания”. Многие критики высказывали свое остроумие по поводу этой теории Ламарка, полагая, что они высмеивают идею Дарвина.

Они допустили ошибку, подобную ошибке тех критиков утопического социализма, которые пребывают в приятном заблуждении, что они разгадывают теории Маркса. Профессор Ричи сохранил пару строф остроумного шотландского судьи, который нацелил свое стихотворение на Дарвина, но попал в Ламарка.

“Олень с шеей, которая была длиннее вдвое
, Чем у остальных членов его семьи, стараюсь не смеяться,
Потягиваясь и разгибаясь, превратился в жирафа,
Чего никто не может отрицать.

Это четвероногое животное, которое мы теперь называем китом,
Держало свои задние лапы так близко, что они приросли к хвосту,
которым он молотит море, как цепом,
Чего никто не может отрицать”.

Но теория Дарвина совершенно независима от идеи “растяжения”. Причины и происхождение наследственности и изменчивости до настоящего момента также окутаны тайной. Но когда науке удастся проникнуть в эти секреты, крайне маловероятно, что теория Дарвина будет серьезно ослаблена, каковы бы ни были причины.

Теперь о жирафе. Предположим, для иллюстрации, двух жирафов, самца и самку, чьи шеи имеют длину ровно пять футов. Мы ограничимся в нашей иллюстрации вопросом только о шее. Мы предположим, что эта конкретная пара родит семью из трех человек. Сначала идет наследственность. Все, чего мы требуем от наследственности, - это чтобы детеныши были жирафами, а не верблюдами или какими-либо другими видами; и эта наследственность гарантирует. Теперь наступает черед вариаций. Поскольку это идеальный случай для иллюстрации теории, у нас будет один из трех детенышей с более короткой шеей, чем у родителей, другой такой же длины, в то время как у третьего шея длиннее - более пяти футов.

Теперь начинается борьба за существование. Когда это семейство жирафов достаточно подросло и новички приближаются к брачному возрасту — отметьте важность этого вопроса о “брачном возрасте”, поскольку проблема состоит в том, чтобы выяснить, как природа

определяет, от кого следует выводить потомство, — они вынуждены добывать корм для себя сами. Здесь нет пастбищ для выпаса скота; они живут почти в пустыне. Кустарников здесь немного; почти ничего, кроме довольно высоких деревьев — от десяти до двадцати футов. Если бы заводчик жирафов занялся этим вопросом и захотел увеличить длину шеи жирафа, проблема была бы простой. Он выбирал номер три с самой длинной шеей, соединял его с представителем противоположного пола с самой длинной шеей в какой-нибудь другой семье, и дело было сделано. Но это в Центральной Африке, где нет селекционера, который мог бы вмешаться, и возникает вопрос: может ли природа достичь того же результата без его помощи?

Вот что происходит. Сначала листья съедаются со всех нижних ветвей, поскольку до них можно добраться с наименьшими усилиями. Затем они поднимаются все выше и еще выше, пока не достигают точки, где номер один с самой короткой шеей не может дотянуться дальше, и начинается ужасная борьба за существование. Номер два пока не видит опасности, а у номера третьего все по-своему. Но с номером одним с короткой шеей началась трагедия. Теперь с каждым днем еда становится все более недостижимой для него, и даже номер два вынужден тянуться за своим запасом. Приближается время размножения, но длинношеее и, следовательно, упитанные и энергичные самки не будут иметь ничего общего с этим шатающимся голодающим существом, а длинношеее, упитанные самцы избегают короткошеих голодающих самок. Если умирающие от голода особи спариваются, мать умирает, не родив потомства, или она не может получать достаточно пищи, чтобы вырастить свое потомство; в любом случае эффективной преемственности не происходит. Таким образом, те, у кого более длинная шея, наиболее приспособлены, и они выживают. Таким образом, природа “выбирает” одного путем негативного процесса уничтожения остальных, примерно так же, как человек “выбирает” одного щенка в помете, топя остальных.

В случае со щенками мы можем сказать “искусственный отбор”; в случае с жирафом это “естественный отбор”. И эта теория, какой бы простой она здесь ни казалась, произвела революцию в биологии.

Следует отметить, что “естественный” отбор имеет много преимуществ перед “искусственным” отбором. Заводчик может ошибиться; он может выбрать не того щенка и утопить его превосходство. У лошади, выигравшей великие скачки, мог быть более быстроногий компаньон в той же конюшне, если бы тренер знал, как развить его возможности. Садовник, возможно, по неосторожности упустил лучший корень или стебель. Но природа не совершает таких ошибок, а если и совершает, то в конечном итоге исправляет их. Ее метод, хотя и является полностью случайным и неразумным, практически безошибочен. Условием выживания является адаптация к окружающей среде. Сам процесс отбора сам по себе является проверкой пригодности. Правда, моральные соображения исключаются — по крайней мере, во внесоциальном мире, — но природа предлагает нечто вроде справедливого поля для игры и никаких поблажек. Когда мы говорим о любимцах природы, мы просто имеем в виду тех, кто лучше всего приспособлен к ее суровым условиям.

Возьмите рядок растений сельдерея, из которого предстоит “отобрать” будущую рассаду.

В данном случае, предположим, желаемым качеством является способность противостоять заморозкам. Откуда садовнику знать, какие из пятидесяти растений “лучшие” в этом отношении. У него нет метода выяснить это с какой-либо степенью уверенности. Но однажды ночью приходит природа с резким морозом и “отбирает” десять человек, убивая сорок. И сам

акт этого “естественного” отбора доказывает, что эти десять человек лучше переносят мороз, чем их собратья.

У заводчиков белых овец, поставляющих белую шерсть на рынок, есть очень четкое руководство — они убивают каждого ягненка, у которого есть хоть малейший оттенок черного. Но даже здесь природу нельзя перехитрить. В Вирджинии есть — или, по крайней мере, была во времена Дарвина — дикая свинья чисто черного цвета. Один из основных продуктов его питания был известен как “красящий корень”. Любая свинья с малейшим белым пятнышком на теле была отравлена этим корнем, в то время как ее полностью черные собратья считали его полезной и сочной пищей.

В окружающей среде, которая оставалась постоянной и где вид животных достиг такой популяции, что ограничил возможности существования — запасы пищи, — то потомство, наиболее похожее на своих родителей, которые победили в этой среде, снова преуспело бы и было отобрано. В то время как, если окружающая среда изменилась — например, стала теплее или холоднее, — те потомки, которые изменились в направлении, позволяющем им лучше справляться с новыми условиями, были бы отобраны для выживания в отличие от тех, кто походил на своих родителей, чьи родители выжили в свое время, потому что они были адаптированы к предыдущей среде.

Например, страна хорошо снабжена водой и, как следствие, является плодородной и “зеленой”. В такой стране будут выбраны зеленые насекомые и зеленые рептилии, потому что зеленый фон сделает их почти невидимыми для их врагов. Особи других окрасов появятся в результате вариаций, но они будут настолько простой мишенью для своих врагов, что их съедят до того, как они достигнут брачного возраста и у них будет шанс воспроизвести вариацию.

Но предположим, что начинается усыхание. Страна теряет водоснабжение, как показал Крапоткин, это имело место в Северо-Западной Монголии и Восточном Туркестане, что привело к вынужденному исходу варваров. Теперь зеленый исчезнет, а его место займет коричневый или желтый — скажем, коричневый. Хотя это изменение, насколько нам известно, не приведет к тому, что насекомые и ящерицы будут размножаться коричневыми, а не зелеными, оно обеспечит выживание или “отбор” тех, кто рождается коричневыми, и уничтожение тех, кто размножается в соответствии со своими зелеными предками. Теперь всякое атавистическое возвращение к зеленому будет безжалостно искоренено, точно так же, как когда страна была хорошо орошаемой и зеленой, каждое спорадическое появление коричневого было уничтожено.

Это биологическая основа той философии окружающей среды, которая сейчас пронизывает все наше мышление. Измените физическую среду, говорит биолог, и вид преобразится. Измените экономическую среду, говорит социалист, и, если вы внесете правильные изменения, раса будет спасена. Оба утверждения основаны на одних и тех же фундаментальных законах.

Поскольку многие и чрезвычайно важные следствия этой теории полностью рассматриваются в последующих лекциях, большинство из них будет передано здесь.

Однако мы можем отметить, что всякий раз, когда какая-либо нация в современном мире производит в процессе развития своей промышленности социалистическую разновидность, эта новая особенность сразу же доказывает свою полезность и “выбирается” в дарвиновском смысле, потому что в данном конкретном случае она дает преимущество перед предыдущей

формой социальной организации. Вот причина, по которой трест — социалистический и революционный по своей сути — всегда побеждает, несмотря на глупый бред херстовских газет и допотопную болтовню Уильяма Дженнингса Брайана.

Но главным достижением Дарвина является то, что он сделал общую теорию эволюции неприступной, тщательно и убедительно продемонстрировав ее в своей собственной области как натуралиста. С тех пор было только вопросом времени, когда его применение станет универсальным.

Социализм можно определить как применение теории эволюции к явлениям общества. Это именно то, чего достигли Маркс и Энгельс, и именно поэтому их работа так фундаментально противоречит общепринятым теориям и теологическим суевериям, распространенным в их время, и так полностью согласуется со всеми последними достижениями научного мира. История перестает быть бессмысленной массой войн и голода, кровопролития и жестокости. Это становится панорамой, представляющей развитие общества в соответствии с законами, которые можно понять, и с будущим, которое можно измерить и предсказать.

Она развивается под действием сил, которые ни один человек или класс не может полностью остановить или воспрепятствовать. Мощь этих сил и направление, в котором они сейчас действуют, были хорошо изложены Виктором Гюго с помощью очень яркого сравнения в следующем отрывке:

“Мы в России. Нева замерзла. По ее поверхности катятся тяжелые экипажи. Они импровизируют город. Они прокладывают улицы. Они строят дома. Они покупают. Они продают. Они смеются. Они танцуют. Они позволяют себе все. Они даже разжигают костры на этой воде, ставшей гранитом. Есть зима, есть лед, и они будут длиться вечно. Бледный отблеск разливается по небу, и можно было бы сказать, что солнце умерло. Но нет, ты не умерла, о Свобода! В час, когда они самым глубоким образом забыли о тебе; в момент, когда они меньше всего ожидают тебя, ты восстанешь, о, ослепительное зрелище! Ты прольешь свои яркие и обжигающие лучи, свое тепло, свою жизнь на всю эту массу льда, ставшую отвратительной и мертвой. Ты слышишь этот глухой удар, этот треск, глубокий и ужасный? Это Нева вырывается на свободу. Ты сказал, что это гранит. Смотри, он раскалывается, как стекло. Говорю тебе, это ломается лед. Это вода живая, радостная и ужасная. Прогресс возобновляется. Человечество снова начинает свой путь. Это река, которая возвращает себе русло, вырывает с корнем, калечит, сталкивает воедино, крушит и топит в своих волнах не только империю выскочки царя Николая, но и все пережитки древнего и современного деспотизма. Эта уплывающая эстакада? Это трон. Та другая эстакада? Это эшафот. Та старая книга, наполовину затонувшая? Это старый кодекс капиталистических законов и морали. Это старое лежбище, которое только что затонуло? Это многоквартирный дом, в котором жили наемные рабы. Смотри, как все это проходит мимо; проходит мимо, чтобы никогда больше не вернуться; и для этого огромного поглощения, для этой высшей победы жизни над смертью, какая сила была необходима? Один твой взгляд, о, солнце! Одним взмахом твоей сильной руки, о, труд!”

IV. ТЕОРИЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ ВЕЙСМАНА.

Слабый, нетренированный мозг должен прийти к выводу. Он не может отложить свое решение или вынести открытый вердикт. Это совершенно непонятно в научном мире, где самый глубокий ученый часто вынужден говорить: “Я не знаю”. В переполненном зале суда девяносто процентов зрителей приняли решение о невиновности подсудимого еще до того, как был вызван первый свидетель или зачитана строка из показаний. У него квадратная челюсть, или кустистые брови, или толстые губы, или он неловко переминается с ноги на ногу - все это доказывает простакам по ту сторону решетки, что он должен быть виновен, в чем бы ни заключалось преступление и каковы бы ни были улики. Если бы у него были голубые глаза, светлые волосы и усы, или приятные манеры, или красивые руки, и зрители должны были бы решать этот вопрос, они вряд ли осудили бы его на основании его собственного признания. В Англии судью назначают на скамью подсудимых не потому, что он “заодно” с начальником отделения, а из-за его обширных познаний и систематической подготовки, и причина, по которой этот метод продвинулся, заключается в том, что только ученый может придержать свое мнение до получения всех доказательств, а затем, если этого требует дело, вынести открытый вердикт.

Что касается сложной проблемы наследственности, которая так сильно выдвигалась на первый план в науке в течение последних двадцати четырех лет, в то время как многие великие мыслители явно принимали чью-либо сторону, следует помнить, что по многим важным вопросам единственно возможным вердиктом по утверждениям любой из сторон является вердикт “не доказано”.

Но хотя это противоречие раскололо эволюционистов на два лагеря, оно никоим образом не ставит под угрозу саму теорию эволюции. Спор основан на признании всеми участвующими в нем сторонами того, что эволюция допустима, и рассматриваемый вопрос предполагает лишь различие в том, как достигаются признанные результаты. Эволюция - это больше не просто теория, это установленный факт, и он признается как таковой всеми, кто живет в интеллектуальной атмосфере, принадлежащей этой стороне 1859 года, года публикации “Происхождения видов”.

Результат этого обсуждения также никоим образом не угрожает обоснованности дарвиновской теории “естественного отбора”. Все спорящие являются убежденными дарвинистами и расходятся во мнениях только относительно того, достаточна ли сама по себе теория Дарвина для объяснения происхождения новых видов.

Профессор Паккард, биограф Ламарка и один из его самых горячих поклонников, в конце своей главы, посвященной отрицанию “чистого” дарвинизма, говорит: “Однако мы никогда не должны забывать или недооценивать неопределимую ценность услуг, оказанных Дарвином, который своим терпением, трудолюбием, редким талантом наблюдения и эксперимента, а также своими способностями к ясному изложению убедил мир в истинности эволюции, в результате чего это изменило философию наших дней. Мы все эволюционисты, хотя и можем расходиться во мнениях относительно природы действующих причин”.

Теперь есть три возможных позиции. (1) Позиция чистых и незатейливых ламаркианцев, которые утверждают, что теория Ламарка сама по себе объясняет все явления и что принцип

отбора Дарвина не только недействителен, но и излишен. Эта школа практически вымерла, хотя Паккард часто подходит к самому ее краю в своих попытках защитить свой предмет, как это принято у биографов. (2) Нео- (новые) ламаркианцы, которые развивают теорию Ламарка и добавляют к ней принцип отбора Дарвина как имеющий большее, равное или второстепенное значение, в зависимости от того, насколько они сильнее склоняются к Дарвину или Ламарку. Эта позиция удерживала поле боя почти в одиночку, пока Вайсман не выстрелил из своего первого пистолета в 1883 году. Он основал (3) неodarвинистскую школу, которая полностью отвергает ламаркистский фактор наследственной передачи приобретенных признаков и утверждает, что теория Дарвина способна обходиться без ламаркистских идей пользы и неиспользования.

Поскольку Вайсман является центром полемики, мы сейчас рассмотрим его теорию.

В 1883 году Вайсман стал проректором Фрайбургского университета и в июне того же года публично прочитал в зале университета свою первую лекцию “О наследственности”. Эта лекция обычно рассматривается как первый ответный залп в той войне, который на следующие тринадцать лет наполнил своими отзвуками научные журналы мира. Как метко заметил один писатель, “Враждующие ученые плескались, как разъяренные каракатицы, в облаках собственных чернил”. Однако примерно в 1896 году публика устала от нескончаемого потока биологических знаний о том, что непрофессионалу казалось неразрешимой проблемой. Редакторы, державшие руку на общественном пульсе, воскликнули: “Чума на оба ваших факультета!” - и послали ученых искать в своих лабораториях победы, недоступные их перу.

Однако на самом деле грядущая борьба была предсказана в докладе, прочитанном Вейсманом на собрании Ассоциации немецких натуралистов в Зальцбурге двумя годами ранее, в 1881 году.

Эта статья называлась “Продолжительность жизни”, и тема получила дальнейшее развитие в академической лекции 1883 года на тему “Жизнь и смерть”. Эти два биологических вклада не только обозначили основы теории Вейсмана, но и пролили яркий свет на некоторые очень темные места. Вайсман не только поднял, но и разрешил до сих пор неясный вопрос о происхождении смерти.

Иоганн Мюллер еще в 1840 году отверг преобладающую гипотезу, согласно которой смерть животных происходила из-за “влияний органической среды, которые постепенно истощают жизнь индивида”. Мюллер утверждал, что если бы это было так, “органическая энергия индивидуума с самого начала неуклонно снижалась бы”. Однако всем известно, что, несмотря на износ, вызванный “окружающей средой”, будь то органическая или неорганическая, объем жизни увеличивается, пока у всех животных не будет достигнута определенная стадия. Но Мюллеру не удалось восполнить пробел, созданный его критикой.

Эту проблему Вейсман решил, проанализировав методы размножения у животных. Вообще говоря, их два: сексуальный и несексуальный, или, как это иногда называют, а-сексуальный. Эта последняя форма является способом, преобладающим в нижней части органической шкалы — среди простейших, животных, состоящих из одной клетки. Этот метод имеет множество форм, которые Геккель классифицировал как (1) саморазделение; (2) образование почек; (3) образование зародышевых клеток или спор. Здесь мы будем иметь дело только с первым, с саморазделением, или делением, которое является наиболее универсальным из всех методов размножения, являясь прогрессом, посредством которого отдельные клетки,

составляющие всех высших животных, размножаются сами. Это метод, жизненно важный для теории Вейсмана, а два других - не более чем различные модификации деления.

Когда Монерон или Амеба достигают определенного размера, их начинает сдавливать посередине, как туго зашнурованный корсет. Это увеличивается до тех пор, пока существо не разделится на две равные половины. Каждая из этих половинок становится полноценной личностью, которая продолжает процветать до тех пор, пока не произойдет следующее разделение.

Что Вейсманн считал наиболее важным во всем этом, так это то, что в этом процессе и среди этих одноклеточных организмов нет такого понятия, как естественная смерть..... Смертность от несчастных случаев велика по своим масштабам, но ни один монерон никогда не умирает от старости. Каким бы поразительным это ни казалось неспециалисту, старая как мир идея о том, что смерть “необходима для самой природы жизни”, здесь полностью и бесспорно ниспровергается.

“Я указал, ” говорит Вейсман во второй лекции, ссылаясь на первую, - что мы не можем говорить о естественной смерти среди одноклеточных животных, поскольку их рост не имеет прекращения, сравнимого со смертью. Происхождение новых особей не связано со смертью старых; но размножение путем деления происходит таким образом, что две части, на которые разделяется организм, в точности эквивалентны друг другу, и ни одна из них не старше и не моложе другой. Таким образом, возникает бесчисленное количество особей, каждая из которых так же стара, как и сам вид, и при этом каждая обладает способностью жить бесконечно посредством деления”.

Среди многоклеточных, то есть многоклеточных животных, это бессмертие индивидуума исчезает. “Здесь также, - говорит Вейсман, - размножение происходит посредством клеточного деления, но не каждая клетка обладает способностью воспроизводить весь организм в целом. Клетки организма дифференцируются на две существенно отличающиеся группы: репродуктивные клетки — яйцеклетки или сперматозоиды - и соматические клетки, или клетки организма. Бессмертие одноклеточного организма перешло к первым - репродуктивным клеткам, — остальные должны умереть, и поскольку тело индивидуума в основном состоит из них, оно тоже должно умереть”.

Итак, смерть пришла в мир не через грех, как сообщает легенда Книги Бытия, а через секс; возможно, это самый удивительный вывод, но от него, по-видимому, нет спасения. Бессмертие все еще остается, это правда, но это не бессмертие сознательного “я”. Позитивная наука, несмотря на все ее великолепные дары, нанесла ужасный удар по этим великолепным мечтам первобытных людей и современных мистиков; по тем надеждам и чаяниям, которые поддерживали миллионы людей нашей расы в часы величайшей скорби; удар, который даже самые храбрые не смогли принять, не дрогнув. Единственное бессмертие, в котором наука хоть сколько-нибудь уверена, - это бессмертие этих бессознательных одиночных клеток, которые делают возможным воспроизводство вида.

Таким образом, Вейсман разделяет клетки, составляющие тела высших животных, включая человека, на два различных вида: соматические, или клетки тела, и зародышевые, или репродуктивные клетки. Эти зародышевые клетки являются, так сказать, батарейками, в которых хранится вещество, которое Вейсман называет зародышевой плазмой. Ничтожно

малая порция этой зародышевой плазмы от особи одного пола, смешанная с аналогичной порцией от особи другого пола, даст новую особь. Но — и здесь раскрывается краеугольный камень теории Вейсмана — только часть смешанной зародышевой плазмы используется в составе новой особи; остальная часть хранится в зародышевых клетках новой особи для дальнейшего размножения, когда придет время. Единственная связь, которую эта зарезервированная зародышевая плазма имеет с клетками организма новой особи, заключается в том, что они предоставляют ей комнату и питание.

Таким образом, согласно Вейсману, из поколения в поколение передается непрерывный поток зародышевой плазмы, и это составляет его знаменитую теорию “Непрерывности зародышевой плазмы”. Если принять эту теорию за предпосылку, то выводы Вейсмана неоспоримы. Поскольку эта зародышевая плазма является единственным “носителем наследственности”, ничто из того, что происходит с соматическими клетками организма, не может быть передано потомству.

Дарвин выдвинул теорию наследственности, которую он назвал “Пангенезис”, что давало веские основания для признания ламаркианского фактора. Согласно этой теории, все соматические клетки организма производят еще более мелкие клетки, которые он называет “геммулы”. Эти геммулы собираются каким-то необъяснимым процессом в репродуктивных органах. Здесь они собраны в пакеты, и эти “пакеты геммул” являются “носителями наследственности”. Можно легко увидеть, как с помощью этого процесса будут передаваться последствия использования и неиспользования, поскольку орган, уменьшенный в результате неиспользования, не будет надлежащим образом представлен эффективным делегированием геммул в репродуктивном центре.

Говоря об этой теории, Грант Аллен в своей биографии Дарвина говорит: “Пусть любовь биографа не обманывает нас. Если не преувеличивать, то это была его единственная заметная неудача, и теперь почти все признают ее таковой”. Однако следует помнить, что Дарвин полностью осознавал ее чисто умозрительный характер и со своей обычной осторожностью назвал ее “Предварительной гипотезой пангенезиса”.

Романес, один из самых способных критиков Вейсмана, сравнивает теорию Вейсмана с теорией Дарвина, и хотя он отказывается защищать пангенезис от обвинения Вейсмана в том, что это совершенно ничем не подкрепленная спекуляция, он отвечает, утверждая, что теория зародышевой плазмы живет точно в таком же стеклянном доме.

Как бы то ни было, совершенно ясно, что теория зародышевой плазмы полностью исключает ламаркистский фактор эволюции во всех случаях, когда размножение происходит половым путем.

“Но,” говорят неоламаркианцы, “дарвинизм сам по себе просто предполагает вариации, не пытаясь объяснить их происхождение. Естественный отбор объясняет выживание наиболее приспособленных, и не то, что профессор. Справиться звонки происхождения сильнейший’. Там должны быть колебания перед выбором, то откуда тогда такие изменения?” На этот вопрос у Вейсмана есть готовый ответ. “Вариация происходит из-за смешивания двух совершенно разных видов зародышевой плазмы при зачатии, что приводит к рождению результата, который не является и не может быть полностью похожим ни на тот, ни на другой”.

И вот, наконец, великий немец загнан в угол. Если все вариации обусловлены только врожденными признаками, а они, конечно, возможны только благодаря комбинациям, обеспечиваемым половым размножением, то как возникают вариации среди бесполой организмов, где такие комбинации существовать не могут?

Это действительно проблема. Но любое ликование оппонентов Вайсмана довольно преждевременное. Проницательность, которая поставила этих противников за уши, все еще доступна. Не предпринимается никаких попыток развязать этот узел; Вайсман разрезает его ножом. Он опустошает паруса своего противника, улыбаясь и милостиво сдаваясь. После животных, размножающихся половым путем, он признает действие фактора Ламарка. В этом одноклеточном мире передается не особая клетка, а сам индивидуум, и, конечно, любой признак, приобретенный индивидуумом, будет сохранен вместе с индивидуумом.

Таким образом, область споров ограничивается организмами, размножающимися половым путем, и мы подходим к полю, где велась самая ожесточенная борьба. Передают ли эти организмы по наследству те признаки или особенности, которые индивид приобрел в течение своей собственной жизни? На этот вопрос неоламарксисты дали положительный ответ, который Вейсман встретил решительным отрицанием.

Вайсманн призвал своих оппонентов провести единственную демонстрацию такой передачи. Здесь давайте проясним, что подразумевается под приобретенным характером. Для иллюстрации предположим, что отец оставляет своему сыну поместье в тысячу акров. Это наследство. Если сын оставляет своему сыну ту же самую тысячу акров, это все равно наследство. Но если этот сын увеличит состояние в течение своей жизни до двух тысяч, то вторая тысяча будет “приобретенным символом” имущественного характера. На этом аналогия заканчивается, поскольку нет никаких сомнений относительно его способности передать обе тысячи своим наследникам по наследству.

Но Вайсман утверждает, что с “приобретенными признаками” биологической природы это невозможно. В опровержение этого утверждения было приведено множество конкретных примеров. Герберт Спенсер привел случай предполагаемой дегенерации мизинца у цивилизованного человека в результате привычки носить обувь. Утверждалось, что это могло произойти только в результате передачи приобретенных признаков, а не в результате естественного отбора, поскольку этот уменьшенный палец на ноге не мог иметь никакой ценности в борьбе за существование.

Но измерение ступней дикарей, которые не носят обуви и чьи предки никогда ее не носили, показало, что маленькие пальцы на ногах дикарей выродились не меньше.

Затем на арену вышел Чезаре Ломброзо, ведя за собой верблюда. По словам итальянского криминалиста, верблюжий горб был сначала приобретен в результате переноски грузов, а затем передан по наследству. Исходя из того факта, что верблюд и лама с гладкой спиной имеют что-то общее, он приходит к выводу, что верблюды на самом деле являются ламами, которые недавно приобрели горб при выполнении своих трудовых обязанностей. Ломброзо также подкрепил свою теорию горба некоторыми утверждениями о том, что у женщин-готтентоток появились мозоли на бедрах, когда они носили своих детей на спине. К сожалению, вся изобретательность Ломброзо пропала даром, поскольку мы располагаем геологической летописью верблюда в хорошем состоянии, и из этой истории мы знаем, что у “корабля

пустыни" был горб еще до появления человеческой расы, когда, согласно Ломброзо, он должен был быть ламой с гладкой спиной. Какими бы разочарованными ни были критики Вайсмана, вряд ли можно утверждать, что верблюд в те далекие времена обзавелся своим горбом, взвалив груз на собственную спину.

Было ясно видно, что если бы удалось установить случай передачи увечий, теория Вейсмана была бы тем самым опровергнута. Замечательная попытка была предпринята в этом направлении в 1887 году на собрании Ассоциации немецких натуралистов в Висбадене. На это почетное собрание прибыл доктор Захариас с несколькими бесхвостыми кошками. Утверждалось, что у этих кошек не было хвостов, потому что их мать потеряла свой хвост из-за того, что его переехало колесо телеги. Изучение этих образцов оказалось занимательным отвлечением от обычных процедур, и проф. Эймер отнесся к ним достаточно серьезно, чтобы упомянуть о них в более поздней работе как о "ценном примере передачи увечий".

Вайсман, однако, отказался, чтобы его усыпили. Он настаивал на том, что в отсутствие абсолютной уверенности относительно инцидента с тележным колесом они не выполнили первое условие научного доказательства, и доктор Захариас мудро признал позже, что этот момент был правильно принят. Проф. Поултон описал некоторых кошек с дополнительными пальцами на ногах, за которыми он наблюдал в течение семи поколений. "Было бы столь же оправданно, - говорит Вайсман, - выводить кошек с дополнительными пальцами от предка, на пальцы которого наступали, как и выводить бесхвостых кошек острова Мэн от предка, у которого хвост был отрезан проехавшей по нему тележкой, и, таким образом, рассматривать существование расы как доказательство передачи увечий".

Снова Вайсман указывает, что отсутствие хвоста может быть вызвано не увечьем матери, а врожденной бесхвостостью неизвестного отца. Далее он рассказывает, как в течение года, когда доктор Захариас приезжал со своей коллекцией, "Мой друг, проф. Шоттлиус принес мне котенка с врожденным рудиментарным хвостом, которого он случайно обнаружил в семье котят в Вальдкирхе, маленьком городке в южной части Шварцвальда. Более тщательное исследование привело к следующему довольно неожиданному открытию. В течение некоторого времени в Вальдкирхе в семьях многих разных кошек-матерей часто появлялись бесхвостые котята, и этот факт объясняется следующим образом. Священник, некоторое время живший в Вальдкирхе, женился на англичанке, у которой был бесхвостый самец мэнского кота. Вероятность того, что все бесхвостые кошки в Вальдкирхе являются более или менее отдаленными потомками этого самца, близка к достоверности. Поскольку самец мэнской кошки добрался до Шварцвальда, он с таким же успехом может оказаться и в каком-нибудь другом месте".

В том же году научно-популярный журнал пришел на помощь теории передачи, сообщив о следующем инциденте, якобы имевшем место 22 года назад, в 1864 году. "Беременная овца породы меринос сломала правую переднюю ногу примерно на два дюйма выше коленного сустава; на конечность наложили шины, и она долго заживала до следующего марта, когда животное произвело на свет детенышей. У ягненка было кольцо черной шерсти шириной от двух до трех дюймов вокруг того места, где была сломана нога матери, и на той же самой ноге". Когда об этом инциденте рассказали Вайсману, он ответил: "Жаль, что черная шерсть не была оформлена в виде надписи "в память о сломанной ноге моей дорогой матери".

В письме, написанном в следующем году, Вайсман пишет: “Более того, увечья определенных частей человеческого тела, практикуемые разными народами с незапамятных времен, ни в одном случае не привели к уродству или редукции рассматриваемых частей. Такие наследственные эффекты не были вызваны ни обрезанием, ни удалением передних зубов, ни сверлением отверстий в губах или носу, ни необычным искусственным раздавливанием и калечением стоп китайских женщин. Ни один ребенок ни у одной из упомянутых наций не обладает ни малейшими следами этих увечий при рождении; их приходится приобретать заново в каждом поколении”.

Хотя, несомненно, верно, что многое в позиции Вейсмана не имеет экспериментальных подтверждений, столь же верно и то, что, когда накал дискуссии несколько спал, его теории вышли на первый план, и с тех пор они получили широкое признание среди компетентных органов. Вряд ли следует ожидать, что два его величайших критика, Спенсер и Геккель, отнесутся с большим благосклонностью к теории, принятие которой сделало бы необходимым переписывание тех многочисленных томов, которые составляют дело их жизни. Ланкестер, сам немалый авторитет в области перевода “Истории творения” Геккеля, чувствует себя вынужденным сказать в предисловии: “Я считаю своим долгом заявить, что я не согласен с ним в отношении очень значительной части его взглядов на классификацию и в отношении его веры в необходимость допущения ‘возможности передачи приобретенных признаков’. Читатели, которые заинтересовались этими вопросами из кратких изложений настоящей работы, должны, не предполагая, что суждение профессора Геккеля является окончательным, перейти к самостоятельному изучению работ Вейсмана и других авторов, которые совершенно справедливо упоминаются на этих страницах”.

И Джозеф Маккейб, переводчик его “Загадки Вселенной” и “Последних слов об эволюции”, говорит об этом в своем введении к последнему, написанном два года назад: “Для более внимательных учеников, которых порой раздражает ламарковская фразеология Геккеля, — фактически для всех, кто хотел бы увидеть, как те же эволюционные истины выражаются без опоры на наследование приобретенных признаков, — я могу воспользоваться возможностью сказать, что я перевел для тех же издателей книгу профессора Гюнтера “Дарвинизм и эволюционизм”. жизненные проблемы, ”которые вскоре окажутся в их руках”.

Следует признать, что более старая точка зрения гораздо менее благоприятна для социалистической позиции в социологии, чем более поздняя теория Вейсмана. Вызывает некоторое удовлетворение тот факт, что такой выдающийся критик, как Романес, признает осуществимость теории Вейсмана, отвергая при этом некоторые выводы, которые он из нее делает. “Если теория Вейсмана верна”, - говорит проф. Дэвид Старр-Джордан: “всю литературу по социологии придется переписать!” А другой писатель настаивал на том, что Вайсман вновь выдвинул аргументы в пользу социализма.

Если бы это было правдой, что ужасные результаты унижающих условий, навязанных обитателям трущоб, передавались их детям по наследству, пока через несколько поколений они не стали твердыми характерами, то надеждам социалистов на возрожденное общество было бы гораздо труднее осуществиться. В этом случае эти несчастные существа продолжали бы вести себя таким же обескураживающим образом в течение нескольких поколений, независимо от того, как их окружающая среда была преобразована корпоративными действиями общества. Во всяком случае, это то, что Вайсман сделал для нас, он научно разрушил эту ложь.

В этом отношении независимые социологические эксперименты и расследования привели к тем же выводам, что и Вейсман. Проф. Джон Р. Коммонс, проведя тщательное исследование, пришел к следующим выводам: 1,75 процента населения Соединенных Штатов являются врожденными дефектами; 3,25 процента - это вызванные дефекты, то есть они не унаследовали свой недостаток; что 2 процента обладают гениальностью и добьются успеха в самых тяжелых условиях; что 2 процента находятся ниже арийского уровня развития мозга; и что остальные 91 процент - это нормальные люди, которые не являются ни хорошими, ни плохими, блестящими, ни глупыми, преступниками, ни добродетельными, и чье будущее полностью определяется средой, которая окружает их в течение первых пятнадцати лет их жизни. .

Герман Уиттакер, автор статьи в журнале, утверждает, что за восемь лет пребывания в Канаде 2000 мальчиков, взятых доктором Барнадо из лондонских трущоб, прошли под его наблюдением в фермерской колонии. И хотя большинство из них отбыли срок в тюрьме, не более одного процента вернулись к своим прежним привычкам или привычкам своих родителей.

Когда обвиняют в том, что преобразованная социальная среда не решит проблему, связанную с трущобами, потогонными заводами и тюрьмами, как утверждают социалисты, у нас есть основания признать это утверждение ложным и клеветой на природу человека. И при этом мы не сентиментальные мечтатели, взывающие к Луне, а строгие аналитики и исследователи, и, как однажды с гордостью сказал Лассаль, “За нами наука и познания наших дней”.

V. DE VRIES' "MUTATION."

Ортодоксальность получила самый ошеломляющий удар, когда-либо нанесенный ей, от рук Чарльза Дарвина, и она всегда ищет возможности нанести ответный удар. Стоит только какому-нибудь новичку бросить вызов теории Дарвина о происхождении коралловых рифов и предложить вместо нее какое-нибудь гротескное допущение, и с тысячи кафедр сразу же объявляется, что дарвинизм — этот враг Бога и человека — мертв.

Однако Хьюго Девриса вряд ли можно было назвать новичком, и у сторонников Дарвина, по-видимому, появились реальные основания для опасений, когда распространился слух, что не кто иной, как амстердамский профессор, опроверг теорию Дарвина и заменил ее своей собственной.

Увы, эта последняя “смерть дарвинизма” была не более фатальной, чем его многочисленные предшественники, как покажет следующая цитата из самого ДеВриса:

“Моя работа утверждает, что она находится в полном соответствии с принципами, изложенными Дарвином”. И снова: “Дарвину была поручена задача довести теорию общего происхождения до ее нынешнего высокого положения в научной и социальной философии”. И, “Несмотря на все эти кажущиеся непреодолимыми трудности (отсутствие собранных с тех пор

экспериментальных данных), Дарвин открыл великий принцип, который управляет эволюцией организмов. Это принцип естественного отбора. Это отсеивание всех организмов, имеющих второстепенную ценность, в ходе борьбы за жизнь”.

Большая часть негативной критики, направленной против дарвинизма, относится только к экстравагантным заявлениям, выдвинутым его чрезмерно увлеченными последователями; утверждений, которых нет в работах самого Дарвина. Как мы увидим позже, одним из величайших нарушителей в этом отношении был не кто иной, как один из первооткрывателей теории отбора - Альфред Рассел Уоллес.

Из всех пагубных неправильных представлений теории Дарвина ни одно не принесло столько вреда, как то, которое рассматривает естественный отбор как активную и действенную причину эволюции. Хотя эволюция является установленным фактом, наши знания о ее процессах неполны и всегда должны оставаться таковыми до тех пор, пока мы не решим эту самую трудную из всех биологических проблем - “причины изменчивости”.

Что касается природы этих причин, то естественный отбор - это глупость. Для этой цели вариация просто принимается как факт, и признанное Дарвином незнание того, как возникает вариация, выражается в термине “спонтанная вариация”. До тех пор, пока вариация не сыграет свою роль, производя новые и разнообразные формы, отбор не выполняет никакой функции. Затем он просто решает, какие формы выживут, уничтожая остальные. Как указывал Виганд, отбор делает не больше, чем определяет выживание того, что ему предлагается, и не создает ничего нового. Как поразительно выразился Деврис, “Это всего лишь решето, а не сила природы, не прямая причина улучшения, как часто утверждали многие противники Дарвина и, к сожалению, многие его последователи”. Это всего лишь сито, которое решает, кому жить, а кому умереть.... К отдельным шагам эволюции это не имеет никакого отношения. Только после того, как шаг сделан, сито начинает действовать, устраняя непригодное”. Таким образом, проф. Точка зрения Коупа о том, что теория Дарвина не объясняет “происхождение” наиболее приспособленных, хорошо принята, или, как выразился мистер Артур Харрис, “Естественный отбор может объяснить выживание наиболее приспособленных, но он не может объяснить появление наиболее приспособленных”.

Именно вокруг этого вопроса о “причинах” вариации вели свою битву неоламаркианцы и вейсманианцы, первые настаивали, как мы видели, на том, что вариация вызвана наследственной передачей приобретенных признаков, в то время как Вейсман утверждал, что вариация возникает исключительно в результате объединения двух порций различной зародышевой плазмы, внесенных двумя разными особями, и получения новой особи, непохожей ни на ту, ни на другую, — “вариации” от обеих. Хотя какая бы ни была победа, она досталась Вайсману, ни одна из сторон экспериментально не доказала свою правоту, и мы все еще пребываем в неведении относительно “причин вариаций”. Наше невежество все еще скрыто под удобным словом “спонтанный”; к “спонтанной вариации” Дарвина мы теперь добавляем “спонтанную мутацию” ДеВриса.

Еще одной данью осторожности и проницательности Дарвина является то, что он признал возможность возникновения вариаций либо внезапно, как утверждает Деврис, либо постепенно, как отрицает Деврис.

Альфред Рассел Уоллес не только стремился ограничить действие естественного отбора в определенных областях, чтобы освободить место для своих спиритуалистических теорий — авантюра, которая печально провалилась, — но и отрицал внезапное появление новых видов или подвидов, тем самым ограничивая дарвинизм, как он его понимал, происхождением новых видов путем постепенного накопления тех почти незаметных вариаций, которые обычно описываются как “флуктуации”. Какой бы конфликт ни существовал между дарвинизмом и мутацией, его следует приписать Уоллесу. Как ясно признает Деврис, Дарвин никоим образом не несет ответственности. “Дарвин, - говорит Деврис, - признавал обе линии эволюции”.

Разницу между “флуктуациями” и “мутацией” Деврис иллюстрирует, вспоминая сравнение Гальтона с многогранником, примером которого является твердый кусок стекла, покрытый множеством маленьких плоских граней. Когда он опирается на какую-либо конкретную грань, он находится в устойчивом равновесии. Небольшие возмущения могут заставить его колебаться, но он всегда возвращается к одной и той же грани. Эти колебания подобны колеблющимся вариациям. Более сильное возмущение может привести к тому, что многогранник перевернется на новую грань, где он снова остановится, показывая только постоянно присутствующие колебания вокруг нового центра. Новое положение соответствует мутации. Одним из недостатков этой иллюстрации является то, что некоторые флуктуации представляют собой большее отклонение от заданного положения, чем некоторые мутации. Существенное различие состоит в том, что при флуктуации он снова откатывается назад, в то время как при мутации он остается на новой основе.

Все что-нибудь слышали о знаменитой примуле вечерней, которая дала ДеВрису первое и наиболее убедительное доказательство мутации. В Хилверсуме, недалеко от Амстердама, он обнаружил большое количество растений вечерней примулы, названных *Lamarckiana* в честь Ламарка. Это американское растение, завезенное в Европу. Он часто ускользает от культивирования, и в этом случае Деврис говорит, что он сбежал из парка. Он дичал десять лет. Через год после того, как Деврис впервые заметил их, он заметил две новые формы, в которых он сразу же признал два новых элементарных вида.

В тестовых условиях своего собственного сада, в ходе эксперимента, продолжавшегося тринадцать лет, он наблюдал более пятидесяти тысяч видов *Lamarckiana*, распространенных в течение восьми поколений, и из этих восьмисот мутации были распределены между семью новыми элементарными видами. Эти мутации, будучи самооплодотворенными или полученными от растений, подобных им самим, размножались в соответствии с самими собой, таким образом отвечая тесту реального вида. Деврис также наблюдал за полем, с которого были взяты его первоначальные формы, и увидел, что там происходили подобные мутации, так что они никоим образом не были вызваны культивированием.

Таким образом, скромная мутирующая примула внесла свою лепту в решение той загадки Вселенной, которая, пока не будет разгадана, всегда будет занимать первостепенное место в мыслях людей.

Деврис отвергает идею о том, что мутации происходят всегда и везде, что может показаться одним из выводов из его теории, и его двадцать четвертая лекция из серии, прочитанная перед Калифорнийским университетом, озаглавлена “Гипотеза периодических мутаций”. Примула обыкновенная, говорит он, в настоящее время кажется неизменной, и утверждает, что когда-то в прошлом у нее, должно быть, был период мутации, когда, возможно, примула вечерняя

мутировала. Он говорит: “Все факты указывают на вывод о том, что эти периоды стабильности и изменчивости более или менее регулярно чередуются друг с другом”.

Он наносит неоламаркианцам тяжелый удар своим отрицанием “прямой” адаптации, и он значительно усиливает их противников, когда утверждает, что мутация происходит не только в полезных направлениях, но и во всех направлениях, предоставляя естественному отбору уничтожать непригодных. Это повторение концепции Дарвина, за которой следует Вейсман, о “случайных” вариациях и противоречит представлению Спенсера и Геккеля о том, что вариации происходят в основном в направлении адаптации к окружающей среде в результате того, что животные прилагают усилия в этом направлении.

Этот момент хорошо сформулирован Деврисом в следующем отрывке: “Этот отказ значительной части природных творений заслуживает более подробного рассмотрения. Это может быть возведено в принцип и использовано для объяснения многих трудных моментов теории нисхождения. Если для того, чтобы обеспечить одно хорошее новшество, природа должна произвести десять или двадцать, а может быть, и больше плохих одновременно, то возможность улучшений, происходящих по чистой случайности, должна быть предоставлена сразу. Все гипотезы, касающиеся прямых причин адаптации, сразу становятся излишними, и великий принцип, провозглашенный Дарвином, снова обретает верховную власть”.

Еще одна трудность, которую Деврис утверждает, что разрешил с помощью своей теории, - это предполагаемое противоречие между физиком и биологом относительно времени, отпущенного первым, и времени, требуемого вторым для эволюции животных.

Лорд Кельвин утверждал, что возраст земли составляет от двадцати до сорока миллионов лет. Джордж Дарвин считает, что отделение Луны от земли произошло около пятидесяти шести миллионов лет назад. Геки оценил существование твердой земной коры не более чем в сто миллионов лет. Жоли, рассчитав количество растворенных солей, а Дюбуа - по количеству извести, определили возраст рек: Жоли дал вероятный возраст пятьдесят пять, а Дюбуа - тридцать шесть миллионов лет.

“В целом, ” заключает Деврис, - кажется очевидным, что продолжительность жизни не соответствует требованиям концепции очень медленной и непрерывной эволюции”. Мутация с ее внезапными скачками не представляет такой трудности, и “требования биологов и результаты физиков согласованы на основе теории мутаций”.

Чтобы должным образом оценить социологическое значение теории Девриса, необходимо вернуться более чем на столетие назад и понаблюдать за социологическим значением ведущих биологических идей того периода.

И здесь давайте отметим, что никто лучше нас не знает об опасности бескритичного переноса биологических теорий в область социологии. Тем не менее, наши оппоненты никогда не упускали возможности извратить науку, если, возможно, ее можно было заставить противоречить чему-либо, что имело хотя бы видимость социализма. Мы, однако, всегда настаивали на слабости рассуждений с помощью простой аналогии и придерживались тех общих законов, которые были отдельно разработаны в социологии.

Принцип, который сейчас будет применен, относится к этому последнему классу. Это самый яркий принцип, когда-либо применявшийся при интерпретации общественных явлений. Этот

принцип заключается в том, что интеллектуальная жизнь народа определяется его способом производства богатства и возникающими на его основе социальными классами.

Жан Ламарк, первый великий современный апостол эволюции, умер в бедности, потому что отстаивал теорию, которая, по-видимому, противоречила интересам правящего класса его времени. Против него было все, что сохранилось от феодальных интересов, которые носили исключительно теологический характер, и хотя его теория действительно благоприятствовала буржуазии, этот класс еще не осознавал этого.

Кювье был львом того времени, поскольку ему удалось совершить замечательный подвиг по адаптации науки к идеям не только растущей буржуазии, но и ослабевающей феодальной власти. Он угодил феодальному режиму, тому, что от него осталось, отрицая эволюцию и одобряя ее теологию. Это сделало его теории желанными и среди тех проникательных ранних капиталистов, какими были англичане, которые быстрее своих собратьев поняли, что религиозная вера может стать такой же большой опорой для одного правящего класса, какой уже была для другого.

Но в его способности научного отражения классовых интересов своих учителей шедевром Кювье была его “теория катаклизма”. Согласно этой теории, организмы не были результатом эволюции, но сейчас они были такими же, как тогда, когда вышли из рук Творца. Разница между существующими формами и теми существами, история которых сохранилась в горных породах, объяснялась серией катаклизмов или катастроф, в результате которых в определенные, далеко отстоящие друг от друга периоды все живые формы были уничтожены, и на их место была создана совершенно новая популяция.

Было бы невозможно представить лучшего научного обоснования французской революции, чем теория Кювье. За много десятилетий до этого события эти восходящие коммерциалисты стонали под гнетом феодальных пошлин и феодальных ограничений торговли. Ничто не могло больше соответствовать их желаниям, чем внезапный социальный “катаклизм”, который разрушил бы феодальную систему с ее презирающей торговлю и грабящей знатью и возвысил бы ее собственный торговый класс, чтобы заполнить образовавшуюся вакансию. И когда это было достигнуто, и те же самые аристократы были отправлены на гильотину, было большим утешением полагаться на авторитет Кювье, что этот метод внезапного насилия имел не меньший прецедент, чем методы Всемогущего по внезапному уничтожению живых существ в его собственной вселенной.

Однако теория Кювье едва не умерла вместе с ним, поскольку неистовые желания буржуазии были недолговечны. Когда она осознала полноту своей собственной победы и что следующий “катаклизм” будет означать ее собственное свержение и возведение на престол какого-нибудь преемника, катаклизмы потеряли благосклонность и были отвергнуты. Проповедники внезапных и насильственных перемен теперь считались врагами общества, а некогда хваленая теория катаклизмов Кювье высмеивалась как пережиток темных веков. Чего сейчас хотел класс капиталистов, так это мира, долгой жизни и, прежде всего, отсутствия беспорядков.

И как раз в этот момент Дарвин выдвинул теорию, которая, казалось, была сделана на заказ. Верно, что эта теория говорила об эволюции и изменениях, но изменения были настолько медленными, что их было невозможно заметить. Миллион лет был для этой теории как десять минут, и если одному классу общества требовалось столько же времени, чтобы вытеснить

другой, или одному социальному режиму прийти на смену другому, сколько одному биологическому виду - развиться из другого, капиталистам и их наследникам нечего было опасаться в течение тысячи поколений.

В этой теории не было ничего неожиданного, совсем наоборот. На самом деле настоящая трудность заключалась в том, чтобы понять, как вообще что-либо могло измениться.

Что касается той его части, в которой говорилось о выживании наиболее приспособленных, то что могло быть яснее, чем то, что эти люди, создавшие себя сами, были наиболее приспособленными. Конечно, было также ясно, что деградировавший рабочий класс, которому не хватало ума подняться, по законам природы был обречен на уничтожение как непригодный.

В течение полувека этот аргумент о медленной эволюции доблестно служил противоядием социализму, и нынешний правящий класс хотел бы сохранить его навсегда.

Но ни один правящий класс никогда не был и не может быть полностью всемогущим. Современные капиталисты могут препятствовать процессу социальной эволюции с вытекающим из нее распространением идей не больше, чем они могут перехватить гравитацию или отклонить приливы и отливы. Социальные силы, неподвластные им, слепо толкают их навстречу своей судьбе.

Они находятся в окружении социальных сил, которые высмеивают их жалкие попытки управлять. Возникают противоречия, которые не могут продолжаться. Как только капиталистическая страна становится перенасыщенной богатствами, бедность готовится выйти за границу.

Но среди всей этой неразберихи нечто движется вперед, нечто, что мы иногда называем духом эпохи. Общество становится беспокойным и инстинктивно ожидает грядущих перемен. Новый класс становится заметным и начинает осознавать свою силу и развивать свой интеллект.

Правящий класс по-прежнему провозглашает свою волю, но не всегда может ее выполнять. Колорадо, Айдахо и Хейвуд - тому подтверждение. Умственное развитие этого нового класса достигло той точки, когда оно стало интеллектуальным фактором национальной жизни. К его голосу прислушиваются издатели книг. Он учреждает свою собственную прессу. Она издает собственную литературу. Она создает свою собственную платформу. Она устремлена в будущее и требует контроля над своей собственной судьбой.

А теперь посмотрите, как все это отражается в научном мире. Уже не верно, что видам требуются тысячи лет для простейшего изменения. Теперь нам сообщили, что изменения происходят внезапными скачками. За один-единственный шаг появляется новый вид и начинает свое существование. Таким образом, в биологической науке больше нет ничего, что противоречило бы социалистическому положению о том, что новое общество может родиться в результате внезапной революции.

Ученые говорят нам, что мутация протекает периодами, чередующимися с периодами кажущейся стабильности. Тогда, если нас и не поддерживают, то, во всяком случае, нам не противоречат, когда мы утверждаем, что в общественном развитии периоды экономической эволюции при кажущейся социальной стабильности сменяются периодами социальной революции, когда трансформируется вся социальная надстройка.

Больше нет необходимости считать, что эволюция живых форм длилась бесчисленные миллионы лет. Растение переживает период кажущейся стабильности, затем оно достигает точки, когда оно “взрывается” и дает начало новым видам. Если растение, то почему не общество? По крайней мере, в примере с растением нет ничего, что могло бы послужить аргументом против такой идеи.

Если бы история биологической науки за последние полвека была написана социалистом, который без зазрения совести побил рекорд, чтобы поддержать свои социалистические теории, он бы ничего не выиграл, изменив хоть одну строчку.

В этой истории нет ничего, что могло бы противоречить нам, когда мы утверждаем вероятность или несомненность социальной революции. Кто, оглядываясь вокруг, может не увидеть, что смерть явно запечатлена на челе существующего общественного порядка? Его правовые, политические и финансовые институты связаны воедино гнилыми нитками. Он уже изжил себя, и когда его унесут, у него будет мало провожающих. Но миллионы будут с радостью приветствовать ту социальную мутацию, которая зажжет огни человеческой свободы и создаст если не новые Небеса, то, по крайней мере, новую землю.

VI. “ВЗАИМОПОМОЩЬ” КРОПОТКИНА.

Ламарк был первым, кто представил теорию эволюции в совершенно научной манере. Затем Дарвин открыл “великий принцип, который управляет эволюцией организмов”; принцип “естественного отбора”. Затем Вайсман отверг существующие представления о том, как наиболее приспособленные “прибыли” или “возникли”, и представил вместо них свою собственную теорию, которая все еще находится в стадии обсуждения. Деврис поднял вопрос о том, “появляются” ли новые виды в результате постепенного накопления крошечных изменений или внезапных скачков — мутаций, и продемонстрировал последнее в своих экспериментах с вечерней примулой.

А теперь приходит Кропоткин с вопросом: “Кто является наиболее приспособленным?” Что представляет собой приспособленность, которая способствует выживанию? Являются ли наиболее приспособленными те организмы, которые постоянно ведут войну на уничтожение против любого другого организма в борьбе за существование, или же наиболее приспособленными те, которые сотрудничают друг с другом в сохранении общей жизни всех?

Постановка этого вопроса выявляет еще один поразительный пример влияния классовых интересов на научную мысль. Общеизвестно, что любой класс, борющийся за то, что он считает своей собственной эмансипацией, обращается к прошлому в поисках оправдания и прецедента. В англоязычном мире широко распространено мнение, что Великая хартия вольностей, вырванная у короля Джона в Раннимиде, является основой современной свободы.

Французская буржуазия, борясь за свержение феодальной монархии, искала ее оправдания в том “естественном состоянии”, которому, как утверждалось, противоречит деспотическая монархия. Таким образом, такие писатели, как Руссо, идеализировали природу, представляя ее сравнительно совершенной, и заявляли, что восстановление “естественных прав” необходимо для свободы. Но когда та же самая буржуазия одержала свою победу и возвела себя на трон, и вместо того, чтобы увеличить свободу, во многих отношениях усугубила деградацию массы французского народа, ее представления о “естественном состоянии” претерпели радикальные изменения. И это происходило не только во Франции, но и везде, где торжествовала буржуазия.

Теперь “естественное состояние” представляло собой постоянную бойню; природа была “красной от зубов и когтей”. И предполагалось, что эта комната ужасов поддерживает эксплуатацию труда и поощряет жестокое обращение с детством, которое является самым черным пятном в истории человечества. Водоворот был настолько силен, что Хаксли был захвачен им; но, хотя он придерживался “гладиаторского” взгляда на природу, он отвергал социальные зверства, которые апологеты капитализма, такие как Спенсер, пытались вывести из него. В более поздние годы Спенсер частично отказался от своей предпосылки относительно животного мира, но, как ни странно, сохранил ее в неприкосновенности для первобытного человека.

Для этого взгляда на природу, полную только тьмы и жестокости, где, как выразился Гоббс, велась “война всех против всех”, был сослан великий авторитет Дарвина. Фактически, предполагалось, что Дарвин несет почти единоличную ответственность за эту теорию, и ее ниспровержение Кропоткиным было воспринято неосведомленными как еще один из тех “смертельных ударов”, которых, как считается, дарвинизм получил так много за последнюю четверть века.

Однако Кропоткин в своем введении утверждает, что идея взаимопомощи “на самом деле является не чем иным, как дальнейшим развитием идей, выраженных Дарвином в ‘Происхождении человека’”. Дарвин сказал: “Те сообщества, которые включали наибольшее количество сочувствующих членов, процветали бы лучше всего и дали бы наибольшее количество потомства”. Кропоткин жалуется, что Дарвин недостаточно развил эту идею, но чрезмерно подчеркивал идею “конкуренции” за жизнь, и эта ошибка, настаивает он, была еще более подчеркнута его учениками. “Это произошло с теорией Дарвина, - говорит он, - как это всегда происходит с теориями, имеющими какое-либо отношение к человеческим отношениям. Вместо того чтобы расширить его в соответствии с его собственными намеками, его последователи сузили его еще больше”.

Ошибочно полагать, что Кропоткин отрицает дарвиновский принцип взаимной борьбы. “Очевидно,” говорит он, “что ни один обзор эволюции не может быть полным, если не проанализировать эти два доминирующих течения. * * * Борьба между этими двумя силами составляет, фактически, суть истории”. Он предвосхищает возражение о том, что в его работе лишь подчеркивается принцип взаимопомощи, настаивая на том, что принцип борьбы “уже был проанализирован, описан и прославлен с незапамятных времен. Фактически, до настоящего времени только это течение привлекало внимание эпического поэта, летописца, историка и социолога”.

Основная часть его книги представляет собой солидную массу свидетельств существования взаимопомощи повсюду в живом мире, от низших насекомых до высших млекопитающих; и от

первого каменного века до двадцатого века. Она состоит из восьми глав, первые две из которых посвящены “Взаимопомощи среди животных”.

Здесь теория человеческого происхождения общества полностью опровергается. Показано, что сложные социальные механизмы, которые обычно считаются ограниченными муравьями и пчелами, процветают повсюду, особенно среди птиц.

У попугая взаимопомощь развита до такой степени, что Кропоткин ставит его “на самую вершину всего пернатого мира по развитию его интеллекта”. Австралийские белые какаду, совершая набеги на урожай, взаимно помогают друг другу настолько искусно, что “сводят на нет все уловки”, чтобы помешать им. “Прежде чем начать грабить кукурузное поле, они сначала высылают разведывательный отряд, который занимает самые высокие деревья поблизости от поля, в то время как другие разведчики забираются на промежуточные деревья между полем и лесом и передают сигналы. Если в отчете будет написано ‘все в порядке’, то пара десятков какаду отделятся от основной группы, поднимутся в воздух, а затем полетят к ближайшим к полю деревьям. Они также будут долго осматривать окрестности и только потом подадут сигнал к общему наступлению, после чего вся банда выступит сразу и в мгновение ока разграбит поле”.

Взаимопомощь очень заметна среди пеликанов. “Они всегда ловят рыбу многочисленными группами, и, выбрав подходящую бухту, они образуют широкий полукруг перед берегом и сужают его, гребя к берегу, вылавливая всю рыбу, которая оказывается заключенной в круг. На узких реках и каналах они даже разделяются на две группы, каждая из которых выстраивается полукругом, и обе гребут навстречу друг другу, точно так же, как если бы две группы людей, тащащих две длинные сети, должны были продвигаться вперед, чтобы поймать всю рыбу, попавшую между сетями, когда обе стороны встретятся”.

Нельзя упускать из виду нашего знакомого друга, домового воробья, который, как говорят, практиковал взаимопомощь до такой степени, что это признавали даже древние греки. Кропоткин цитирует по памяти греческого оратора, который воскликнул: “Пока я говорю с вами, прилетел воробей, чтобы сообщить другим воробьям, что раб уронил на пол мешок с зерном, и все они идут туда питаться зерном”. Воробьи также поддерживают социальную дисциплину: “Если ленивый воробей намеревается присвоить гнездо, которое строит товарищ, или даже крадет из него несколько пучков соломы, группа вмешивается в действия ленивого товарища”. Кропоткин приводит ряд хорошо подтвержденных наблюдений о большом сострадании, преобладающем среди тех, кто находится в гнезде. дикие существа, которые, как принято считать, всегда вцепляются друг другу в глотки: рассказ Дж. К. Вудса “о ласке, прилетевшей, чтобы подобрать и унести раненого товарища”; Брем, который “сам видел, как две вороны кормили в дупле дерева третью ворону, у которой была рана нескольких недель назад”. Капитан Стэнсбери во время своего путешествия в Юту, как цитирует Дарвин, “видел слепого пеликана, которого другие пеликаны кормили, и хорошо, рыбой, которую пришлось отнести на расстояние тридцати миль”.

Из этих и множества подобных случаев Кропоткин делает вывод, что, хотя “ни один натуралист не усомнится в том, что идея борьбы за жизнь, ведущейся в органической природе, является величайшим обобщением нашего столетия, эта борьба очень часто носит коллективный характер, вопреки неблагоприятным обстоятельствам”.

Завершая свое рассмотрение животных, Кропоткин чрезвычайно усиливает свою позицию, указывая на различные методы, с помощью которых могут развиваться новые виды или исчезнуть старые, без участия смертельной конкуренции между особями. “Белки, например, когда в лиственничных лесах не хватает шишек, перебираются в еловые леса, и эта смена пищи оказывает определенное, хорошо известное физиологическое воздействие на белок. Если это изменение привычек не продлится долго — если в следующем году шишек в темной лиственничной древесине снова будет в изобилии, — то, очевидно, из-за этой причины не возникнет новой разновидности белок. Но если физические характеристики части обширной территории, занимаемой белками, начинают изменяться — в результате, скажем, более мягкого климата или иссушения (иссушения), которые оба приводят к увеличению сосновых лесов пропорционально лиственничным, — и если возникнут какие-то другие условия, побуждающие белок селиться на окраинах иссушающего региона, - тогда мы получим новый, то есть зарождающийся новый вид белок. Каждый год выживала бы все большая доля белок новой, лучше адаптированной разновидности, а промежуточные звенья со временем вымирали бы, не будучи выморенными мальтузианскими конкурентами ”.

Еще раз: “Если мы возьмем лошадей и крупный рогатый скот, которые всю зиму пасутся в степях Забайкалья, мы обнаружим, что к концу зимы они очень тощие и истощенные. Но они истощаются не потому, что им всем не хватает корма — трава, погребенная под тонким слоем снега, повсюду в изобилии, — а из-за трудностей с извлечением ее из-под снега, и эти трудности одинаковы для всех лошадей. * * * Мы можем с уверенностью сказать, что их численность не снижается из-за конкуренции; что ни в какое время года они не нуждаются в борьбе за пропитание и что если они никогда ничего не достигнут, приближаясь к перенаселению, причина в климате, а не в конкуренции ”.

После упоминания о грызунах, которые объединяются, чтобы запастись пищей на зиму или засыпают примерно к тому времени, когда должна начаться конкуренция; и о буйволах, которые образуют огромные стада, мигрирующие через континент туда, где еды в изобилии; и о бобрах, которые, когда их становится много, делятся на две группы и уходят, старые вниз по реке, а молодые вверх по реке, избегая конкуренции; после упоминания этих и многих других, он заявляет, что заповедь природы такова: “Не соревнуйтесь! — Конкуренция всегда вредна для вида, и у вас есть много ресурсов, чтобы избежать ее! * * * Поэтому объединяйтесь — практикуйте взаимопомощь! Это самое надежное средство обеспечить каждому из нас наибольшую безопасность, наилучшую гарантию существования и прогресса физически, интеллектуально и нравственно”.

Третья глава посвящена “Взаимопомощи дикарей”. Здесь мы сталкиваемся с вопросом о том, является ли семья древним институтом, предшествующим племени и клану, или же она появилась гораздо позже как результат развития клана. Кропоткин придерживается последней точки зрения, отстаиваемой Морганом, Бахофеном, Мэном, Лаббоком и Тайлором, и отвергает первую, представленную Старке и Вестермарком.

Показано, что дикарь в антропологических исследованиях сильно отличается от кровожадного монстра из популярных традиций. “Иногда он становится каннибалом, это правда, но не часто, и тогда это тесно связано с экономической необходимостью, и от него отказываются, когда пищи становится много”. Обычай оставлять стариков умирать в лесу достаточно плох, но не настолько плох, как предполагалось. Обычно они берут старика с собой в свои кочевки до тех

пор, пока он сам не устанет быть обузой и не попросит, чтобы его убили. Когда эта точка достигнута, ему дают больше положенной ему порции еды и оставляют умирать в лесу, потому что ни у кого не хватает духу убить его. Детоубийство практикуется по тому же мотиву, который побуждает дикарей принимать всевозможные меры для снижения рождаемости — они не могут вырастить всех своих детей. Во времена изобилия это исчезает. Именно тогда, когда эти обычаи были окутаны религиозным ореолом и сохранены как священные церемонии, после того как отпала всякая необходимость в них, они приобрели свой самый отвратительный характер.

Он верил в месть, но она должна была строго измеряться нанесенным преступлением. Это должно быть око за око и зуб за зуб; не голова за глаз или око за зуб. Он убивал только своих врагов и всегда, любой ценой, защищал членов своего собственного племени. “В племени все разделяется на двоих; каждый кусочек пищи делится между всеми присутствующими; и если дикарь один в лесу, он не приступает к трапезе, пока трижды громко не прокричит приглашение любому, кто может услышать его голос, разделить с ним трапезу”.... “Если он нарушает одно из меньших племенных правил, его преследуют за издевательства над женщинами”. “Когда он входит на территорию своих соседей, он должен громко объявить о своем приходе, а если он входит в дом, то должен положить свой топор у входа. Если кто-то проявляет жадность при дележе добычи, все остальные отдают ему свою долю, чтобы пристыдить его”. Брань и презрение сильно осуждаются. Их дети не очень сварливы и очень редко дерутся. Максимум, что они могут сказать, это: “Твоя мать не умеет шить” или “Твой отец слеп на один глаз”.

Дикарь отождествлял свои интересы с интересами своего племени; он не был индивидуалистом и ни при каких обстоятельствах не согласился бы на детский труд.

Когда мы доходим до варваров, которые рассматриваются в четвертой главе, мы вступаем в исторический период. На первый взгляд кажется, что взаимопомощи в этот период не существовало. Здесь, кажется, нет ничего, кроме сражений и кровопролития. Но далеко ходить не надо; причина в том, что до недавнего времени историки потчевали нас исключительно тем, что было метко названо “историей барабанов и труб”. “Они передают потомкам мельчайшие описания каждой войны, каждого сражения и стычки, каждого состязания и акта насилия, каждого вида индивидуальных страданий; но в них едва ли можно найти какой-либо след бесчисленных актов взаимной поддержки и преданности, которые каждый из нас знает по собственному опыту”. * * * Летописцы древности никогда не упускали случая записать мелкие войны и бедствия, которые преследовали их современников, но они не обращали никакого внимания на жизнь масс, хотя массы в основном мирно трудились, в то время как немногие предавались сражениям”.

Но сэр Генри Мэн в своей работе “Происхождение международного права” полностью доказал, что “Человек никогда не был настолько свиреп или глуп, чтобы подчиниться такому злу, как война, не приложив каких-либо усилий для ее предотвращения”. И он показал, насколько чрезвычайно велико “количество древних институтов, которые несут на себе следы намерения встать на пути войны или обеспечить ей альтернативу”.

Выдвигается убедительное предположение относительно причин того великого переселения варваров, которое привело к падению Римской империи. “Это иссушение, совсем недавнее и продолжавшееся до сих пор со скоростью, которую мы раньше не были готовы признать. Против этого человек был бессилён. Когда жители Северо-Западной Монголии и Восточного Туркестана увидели, что вода покидает их, у них не было иного выхода, кроме как спуститься по

широким долинам, ведущим к низменностям, и оттеснить жителей равнин на запад”. И вот единственная великая война, описанная варварами, была навязана им абсолютной физической необходимостью.

У варваров не было социальных проблем, поскольку частная собственность на средства к жизни, составляющая основу современного индивидуализма и являющаяся результатом деградации и нищеты современной цивилизации, была им неизвестна. Они были коммунистами. Интересы одного заключались в заботе обо всех. Ничто не находилось в частной собственности до тех пор, пока не достигало самой точки потребления, да и то не всегда, поскольку пища в основном употреблялась за общими трапезами. Эта социальная форма все еще сохранилась, особенно в России, и Кропоткин говорит: “Зрелище русской коммуны, косящей луг, — мужчины соревнуются друг с другом в мастерстве владения косой, в то время как женщины переворачивают траву и разбрасывают ее в кучи, — одно из самых вдохновляющих зрелищ; оно показывает, каким может и должен быть человеческий труд. Сено в таком случае делится между отдельными семьями, и очевидно, что никто не имеет права брать сено из стога соседа без его разрешения; но ограничение этого последнего правила у кавказских осетин наиболее примечательно. Когда кукушка кричит и возвещает о приближении весны и о том, что луга скоро снова покроются травой, каждый нуждающийся имеет право взять из стога соседа столько сена, сколько он хочет для своего скота. Таким образом, старые общественные права подтверждаются, как бы для того, чтобы доказать, насколько разнузданный индивидуализм противоречит природе человека”.

Когда у первых христиан “было все общее”, они не стремились к современному социализму; они возвращались к тому первобытному коммунизму, который проливал свою радость и изобилие на сыновей и дочерей человеческих на протяжении тысячи поколений. Эти варварские коммунисты были убежденными демократами, и их народные собрания, где каждый собирался и высказывал свое мнение, были единственным подобием правительства, которым они обладали, и его решения уважались настолько тщательно, что для их исполнения не требовалось офицеров. Они также были нашими начальниками не только в том, что отказывались работать со своими детьми, но и в том, что пренебрегали их избиениями. Они сказали: “Тело ребенка краснеет от удара, но лицо того, кто наносит удар, краснеет от стыда”.

В двух главах “Взаимопомощи в средневековом городе” гильдия рассматривается как главное проявление принципа в этот период. В некоторых деталях представлена картина борьбы вольных городов против усиливающихся посягательств централизованных государств. Средневековые города окончательно повержены, гильдии уничтожены, но нерушимый принцип взаимопомощи принимает новые формы и приспособляется к новым условиям.

Это подводит нас к заключительным главам о “Взаимопомощи между собой”. Первая из этих двух глав почти полностью посвящена привычкам и институтам взаимопомощи, которые все еще существуют в современных деревнях России, Швейцарии, Франции и Германии. В последней главе рассматриваются действительно современные примеры этого принципа, первыми и наиболее важными из которых являются профсоюзы и их забастовки, Кооперативы, ассоциации спасательных шлюпок, благотворительные организации.

Иллюстрацией этого принципа, которая приводится первой после профсоюза, является социалистическое движение. Кропоткин представляет свою концепцию социалистического

движения как проявления взаимопомощи в существующем обществе в следующем красноречивом отрывке:

“Каждый опытный политик знает, что все великие политические движения боролись по большим и часто отдаленным вопросам, и что те из них были самыми сильными, которые вызывали самый бескорыстный энтузиазм. Все великие исторические движения носили такой характер, и для нашего поколения социализм является как раз таким примером. ‘Платные агитаторы’, без сомнения, любимый рефрен тех, кто ничего об этом не знает. Однако правда заключается в том, что — если говорить только о том, что я знаю лично, — если бы я вел дневник в течение последних двадцати четырех лет, у читателя такого дневника слово “героизм” постоянно было бы на устах. Но люди, о которых я бы говорил, не были героями; это были обычные люди, вдохновленные великой идеей. Каждая социалистическая газета — а их сотни только в Европе — имеет одинаковую историю многолетних жертвоприношений без всякой надежды на вознаграждение и, в подавляющем большинстве случаев, даже без каких-либо личных амбиций. Я видел семьи, живущие, не зная, чем будут питаться завтра, мужа бойкотировали повсюду в его маленьком городке из-за его статьи в газете, а жена поддерживала семью шитьем, и такая ситуация длилась годами, пока семья не уходила на пенсию, без единого слова упрека, просто сказав: ‘Продолжайте, мы больше не можем терпеть!’ Я видел людей, умирающих от чахотки и знающих это, и все же бродящих в снегу и тумане, чтобы подготовить собрания в течение нескольких недель после смерти, и только потом уходящих в больницу со словами: ‘Теперь, друзья, мне конец; врачи говорят, что жить мне осталось всего несколько недель. Скажите товарищам, что я буду счастлив, если они придут повидаться со мной’. Я видел факты, которые были бы описаны как ‘идеализация’, если бы я рассказал о них в этом месте; и сами имена этих людей, едва ли известные за пределами узкого круга друзей, вскоре будут забыты, когда друзья тоже уйдут из жизни. На самом деле, я и сам не знаю, чем больше восхищаться: безграничной преданностью этих немногих или совокупностью мелких актов преданности огромного числа. Каждая проданная копейная газета, каждое собрание, каждая сотня голосов, набранных социалистами на выборах, представляют собой количество энергии и жертв, о которых никто из посторонних не имеет ни малейшего представления. И то, что сейчас делают социалисты, в прошлом делали все популярные и передовые партии, политические и религиозные. Всему прошлому прогрессу способствовали подобные люди и подобная преданность”.

VII. ОТВЕТ ГЕККЕЛЮ.

Бунт против “авторитета” был доведен до нелепых крайностей. Индивидуалист манчестерской школы Герберт Спенсер и метафизический эгоист Макс Штирнер одинаково согласились бы с сведением всякого авторитета к наименьшему возможному остатку. Самые безрассудные из их учеников, выбросив из своих мыслей всякую связь с миром реальности, сделали бы невозможным для шести человек эффективно тянуть за веревку, потому что пятеро из них были

бы вынуждены признать авторитет шестого, когда он в нужный момент скомандовал бы “Тяни, эй”.

Для мыслителей такого порядка музыка была бы невозможна. Кто бы мог представить радикального индивидуалиста, кланяющегося взмаху палки и признающего высокоцентрализованную власть “лидера”. Музыка логичного, отвергающего авторитеты индивидуалиста была бы случайным ударом тамтама в Восточной Индии, а не строго выверенными звуками современного оркестра.

Это безумие не уступает, если не превосходит, тем, кто отказывается признавать авторитет в науке и мышлении. Когда человек утверждает, что совершил новое фундаментальное открытие в астрономии, и в то же время пренебрежительно отзывается об исследованиях таких физиков, как Ньютон, Кант и Лаплас, можно с уверенностью заключить, что вы слушаете дурака, которому нечего сказать, достойного повторного размышления. Только после того, как человек преодолеет все ступени лестницы, по которой был пройден ранее, он сможет подняться на ступеньку выше. И именно выполнение этой задачи полностью или, по крайней мере, в первой части, делает того, кто это делает, “авторитетом”.

Как часто можно услышать, как слабоумный, ничего не знающий человек говорит: “Я не признаю авторитетов; я думаю сам”. Как можно думать без идей? И как возможно получать идеи помимо приобретения знаний? И где можно получить знания, кроме как у тех, кто ими обладает?

Любой “авторитет” в науке и мышлении основан на знании рассматриваемого предмета. Социалисты цитируют Карла Маркса как авторитетного специалиста в области политической экономии, потому что его труды доказывают, что он знал о производстве и распределении богатства больше, чем любой человек своего века. Лавуазье - авторитет в химии, потому что он знает о составе веществ больше, чем любые трое его современников.

Но много путаницы было внесено людьми, обладающими неоспоримым авторитетом в своей области, вынос положительных вердиктов в отделах, где их мнение не имело никакой ценности. То, что великий композитор может сказать о ценности определенной ноты, должно с уважением рассматриваться как имеющее значение, но, если он не изучал геологию, его мнение о вероятном происхождении или возрасте Скалистых гор будет иметь не больше ценности, а может и меньше, чем мнение полицейского на ближайшем углу.

Превосходный пример путаницы, которая может возникнуть таким образом, был представлен миру в 1877 году на Конгрессе естествоиспытателей, состоявшемся в Мюнхене в сентябре того же года. В то время натуралисты Европы были разделены на два противоборствующих лагеря, одни принимали, а другие отвергали дарвиновскую теорию “естественного отбора”. Лидерами обеих дивизий были немцы, хотя преобладание немцев отдавало предпочтение Дарвину, в то время как французы, все еще находящиеся под влиянием Флуранса или соглашающиеся с ним, хотя он был мертв уже десять лет, были почти единодушно против.

Честь возглавить борьбу за дарвинизм на Мюнхенском конгрессе выпала Геккелю, и 18 сентября он низвергнул Гейджа в блестящей речи, в которой защищал идеи великого англичанина. Геккель также выступал за преподавание эволюции в школах. Битва между двумя армиями бушевала до тех пор, пока Вирхов, великий патологоанатом, не взорвал бомбу в Конгрессе, смело заявив: “Дарвинизм ведет прямо к социализму”.

На этом биологические споры прекратились. Оставалось только очистить дарвинизм от ужасного обвинения в социализме. Конечно, эта задача выпала на долю Геккеля, и ему преданно помогал Оскар Шмидт.

Двумя месяцами позже Шмидт писал в “Аусланд”: “Если бы социалисты были благоразумны, они сделали бы все возможное, чтобы убить молчаливым пренебрежением теорию происхождения, поскольку эта теория самым решительным образом провозглашает, что социалистические идеи неосуществимы”.

Геккель ответил Вирхову довольно пространно, и поскольку этот ответ довольно трудно получить, я приведу его здесь полностью, процитированный Ферри и переведенный Робертом Ривзом Ла Монте:

“На самом деле, нет научной доктрины, которая провозглашала бы более открыто, чем теория происхождения, что равенство индивидов, к которому стремится социализм, является невозможным, что это химерическое равенство находится в абсолютном противоречии с необходимым и, фактически, всеобщим неравенством индивидов.

“Социализм требует от всех граждан равных прав, равных обязанностей, равного имущества и равных удовольствий; теория происхождения, напротив, устанавливает, что реализация этих надежд совершенно невозможна; что в человеческих обществах, как и в обществах животных, ни права, ни обязанности, ни имущество, ни удовольствия всех членов общества не равны и никогда не смогут быть равными.

“Великий закон изменчивости учит — как в общей теории эволюции, так и в меньшей области биологии, где он становится теорией происхождения, — что разнообразие явлений происходит из изначального единства, разнообразие функций - из примитивной идентичности, а сложность организации - из изначальной простоты. Условия существования всех индивидуумов с самого их рождения неодинаковы. Необходимо также принимать во внимание унаследованные качества и врожденные тенденции, которые также варьируются в более или менее широких пределах. Принимая во внимание все это, как работа и награда могут быть равны для всех?

“Чем выше развита общественная жизнь, тем важнее становится великий принцип разделения труда, тем более необходимым становится для стабильного существования государства в целом, чтобы его члены распределяли между собой разнообразные жизненные задачи, каждый выполняя единственную функцию; и поскольку труд, который должен выполняться отдельными лицами, а также затраты сил, талантов, денег и т.д., которые это требует, различаются все больше и больше, естественно, что вознаграждение за этот труд также должно сильно различаться. Эти факты настолько просты и очевидны, что мне кажется, каждый умный и просвещенный государственный деятель должен быть сторонником теории происхождения и общей доктрины эволюции как лучшего противоядия от абсурдных уравнилельных, утопических идей социалистов.

“И именно дарвинизм, теорию отбора, Вирхов в своем разоблачении имел в виду, а не просто метаморфическое развитие, теорию происхождения, с которой ее всегда путают! Дарвинизм - это что угодно, только не социализм.

“Если кто—то хочет приписать этой английской теории политическую тенденцию — что вполне допустимо, - то эта тенденция не может быть ничем иным, как аристократической; она никоим образом не может быть демократической, а тем более социалистической.

Теория отбора учит, что в жизни человечества, как и в жизни растений и животных, всегда и везде лишь маленькому и привилегированному меньшинству удастся жить и развиваться; огромное большинство, напротив, страдает и умирает более или менее преждевременно. Бесчисленны семена и яйцеклетки всех видов растений и животных, а также молодые особи, которые выходят из них. Но число тех, кому посчастливилось достичь полностью развитой зрелости и достичь цели своего существования, относительно невелико.

“Жестокая и безжалостная ‘борьба за существование’, которая бушует повсюду в живой природе и которая по природе вещей должна бушевать, это вечное и неумолимое соперничество между всеми живыми существами является неоспоримым фактом. Лишь небольшое количество сильнейших или приспособленных способно выйти победителем из этой конкурентной борьбы. Подавляющему большинству их неудачливых соперников неизбежно суждено погибнуть. Достаточно сожалеть об этой трагической гибели, но никто не может отрицать или изменить ее. “Много призванных, но мало избранных!”

“Отбор, ‘избрание’ этих ‘избранных’ с абсолютной необходимостью связано с отвержением или уничтожением огромного множества существ, которым они выжили. И вот другой образованный англичанин назвал фундаментальный принцип дарвинизма “выживанием наиболее приспособленных, победой лучших”.

“Во всяком случае, принцип отбора ни в малейшей степени не демократичен; напротив, он насквозь аристократичен. Если, таким образом, дарвинизм, доведенный до своих конечных логических следствий, имеет, согласно Вирхову, для государственного деятеля “чрезвычайно опасную сторону”, то опасность, несомненно, заключается в том, что он благоприятствует аристократическим устремлениям”.

А теперь давайте обратимся к заключительным страницам второго тома ценного труда Геккеля “История творения”. Нам будет интересно и поучительно понаблюдать за характером аргументации, которую он там с большим эффектом использует против Вирхова. Вирхов произнес свою знаменитую речь в Берлине, которая заканчивалась следующими словами: “Абсолютно точно, что Человек не произошел от обезьяны”.

Геккель рассматривает это, приводит резюме известных зоологии фактов по этому вопросу, а затем завершает следующим: “Ввиду такого положения дел мы, зоологи, признанные авторитетами в этом вопросе, можем, конечно, спросить, как могут многие так называемые антропологи все еще утверждать, что не существует никаких фактических доказательств “Происхождения человека от обезьяны”? Как могут Вирхов, Ранке и другие, которые не являются зоологами, в речах, которые они ежегодно произносят на антропологических и других конгрессах, продолжать заявлять, что этот ‘питекоидный тезис’ - пустая гипотеза, недоказанное утверждение и просто мечта философов природы? Как могут эти антропологи все еще продолжать требовать ‘определенных доказательств’ этого тезиса, когда доказательства со всей ясностью, какую только можно пожелать, лежат перед ними и единодушно признаны всеми зоологами? Что касается часто цитируемых заявлений Вирхова против тезиса о питекоидах, то они получили большую поддержку в широких кругах только благодаря высокому

авторитету, которым этот знаменитый натуралист пользуется в совершенно другой области науки. Его 'клеточная патология', его гениальное применение клеточной теории ко всей области медицины тридцать лет назад привело к грандиозному прогрессу в этой области науки. Эта великая и длительная услуга, оказанная им, однако, не имеет никакой связи с непреклонной и негативной позицией, которую, к сожалению, Virchow упорно занимает по отношению к доктрине эволюции”.

Геккелю, вероятно, никогда не приходило в голову, что аргумент, который он использует здесь, чтобы опровергнуть возражения Virchow против эволюции, послужит столь же эффективным ответом на его собственные возражения против социализма.

Что касается “часто цитируемых заявлений Геккеля против” социализма“, то они получили большую поддержку в широких кругах только благодаря высокому авторитету, которым этот знаменитый естествоиспытатель пользуется в совершенно другой области науки. Его биогенетический принцип, открытый в эмбриологии, “тридцать лет назад обеспечил грандиозный прогресс в этой науке. Эта великая и длительная услуга, оказанная им, однако, не имеет никакой связи с непреклонной и негативной позицией, которую, к сожалению, ”Геккель“ упорно занимает по отношению к доктрине ”социализма“.

Жалоба Геккеля на то, что Virchow не мог судить о достоинствах эволюции, потому что он не был зоологом, вполне понятна. Но социалист имеет такое же или большее право утверждать, что Геккель был неспособен оценить связь социализма с дарвинизмом, поскольку он, безусловно, знал о социализме гораздо меньше, чем Virchow о зоологии.

Именно в этом проблема критики Геккелем того, что он называет социализмом. О теориях Карла Маркса и современных научных социалистах он абсолютно ничего не знал. Социализм, который он осуждал, был отвергнут самими социалистами почти за тридцать лет до того, как прозвучала его критика.

“Абсурдные идеи равенства”, конечно; но они даже не были исключительной собственностью социалистов-утопистов. Они позаимствовали их у буржуазных революционеров 1789 года. Это они хвастались равенством, которое они установят. То равенство, которое, как говорит Энгельс, лишь “материализовалось в буржуазном равенстве перед законом“. — "Равенстве перед законом всех товаровладельцев". Именно эта борющаяся буржуазия взяла в качестве своего лозунга слова “свобода, братство, равенство” и применила их в типично буржуазном обиходе, начертав их над входами во французские тюрьмы.

Важный пункт во втором предложении критики Геккеля гласит: “в человеческих обществах, как и в обществах животных”, обязанности и т.д. Членов не могут быть “равными”. Единственным возможным аргументом, который это могло бы иметь в качестве критики социализма, было бы его использование для отрицания возможности отмены социально-классовых различий. Ничто не показывает, предполагал ли Геккель, что это будет иметь такое конкретное применение, но поскольку любое другое применение, которое это могло бы иметь, никоим образом не противоречило позиции социалистов, мне нужно только показать его несостоятельность в этом отношении.

Можно сказать, что в “пчелином” обществе существуют классовые разделения, и следует признать, что эти классы не могут быть упразднены ничем, что при любой натяжке воображения можно было бы назвать “пчелиным социализмом”. Но причину этого искать недалеко, и когда

она найдена, то делает невозможным любой аргумент по аналогии против социализма. Рабочие пчелы “физиологически” неспособны выполнять какие-либо другие функции в пчелином обществе. Это женщины, неспособные к материнству. В результате этого пчелиная матка вынуждена брать на себя все бремя воспроизводства вида, и она специализирована в этом направлении до такой степени, что она никак не могла бы быть рабочей. Трутень, как самец-заводчик, находится в таком же затруднительном положении, и популярное представление о том, что они бесполезные бездельники, берет свое начало в пчелином обычае надевать ботинок или что-нибудь похуже на всех лишних представителей класса трутней.

“Пчелиный улей, ” говорит профессор. Хаксли, - это органическое государственное устройство, общество, в котором роль каждого члена определяется органическими потребностями. Королевы, рабочие и трутни - это, так сказать, касты, отделенные друг от друга заметными физическими барьерами ”.

Эрнест Унтерманн говорит в своей замечательной главе по этому вопросу в “Марксистской экономике”: “Каждый учебник естественной истории описывает различные порядки. Например, общества пчел - это ‘монархии’, общества муравьев - ‘республики’. Но в любом случае биологическая изменчивость определяет форму этих обществ. Пчелиные матки, трутни и рабочие имеют органически различное строение и оснащены разными специализированными органами. Пчелиная матка оборудована только для выполнения обязанностей по зачатию и откладыванию яиц. Трутень не может выполнять никакой другой функции, кроме оплодотворения матки. Только у рабочего есть органы для сбора цветочной пыли, меда и производства воска. ” Таким образом, классовое разделение в пчелином обществе носит “биологический”, а не экономический характер. Но сравнение Геккеля игнорирует это жизненно важное различие. Прежде чем этот аргумент можно будет использовать против социалистической пропаганды уничтожения классов, необходимо показать, что королева не может стирать одежду голодной смертью в качестве альтернативы и что женщина-плебейка не сможет носить корону, если ее отец вложит деньги в разорившегося герцога.

Правда, есть и другие сообщества животных, в которых нет такого биологического разделения. Но у них нет частной собственности на средства к жизни, а следовательно, и классов. Пеликаны и вороны признают только три причины для оправдания безделья — младенчество, старость и болезнь или несчастный случай.

Один недавний писатель-социалист сказал: “Возьмите двух младенцев вместе — ребенка рабочего и ребенка паразита. Вот они, оба, из великой тайны. Осмотрите их мягкие маленькие тела. Вы видите шпоры на одном и седло на другом? И все же один должен вырасти распутным бездельником, а другой - изголодавшимся и избитым рабочим. Один будет гнить наверху, другой - чахнуть и угнетаться внизу”.

Конечно, эти два ребенка не были бы равны ни фактически, ни потенциально, но является ли это какой-либо причиной, по которой им следует дать неравный старт? Как нам определить, какая из них лучшая в каком-либо смысле, если множество возможностей, открытых для одной, должны быть закрыты для другой?

И здесь подразумеваемая параллель Геккеля снова разрушается. В природе сильные и способные выживают в борьбе за существование; природа предоставляет что-то вроде справедливого поля и никаких поблажек. Но в капиталистическом обществе хнычущего сына

богатого отца нянчат до зрелости, и он воспроизводит себе подобных; в то время как похотливого ребенка рабочего убивает ядовитое молоко или низкая заработная плата не позволяет ему вступить в брак.

В природе “наиболее приспособленный” не означает наилучшего ни в каком моральном смысле, за исключением косвенного, поскольку применение определенных моральных принципов в сообществах животных может составлять пригодность или дополнять ее. Но в современном обществе в огромном количестве случаев пригодность не означает “лучший” даже в той степени, в какой такое слово может быть использовано в мире природы.

“Акула” недвижимости - это клевета на рыбу. Незаменимое качество в бизнесе - не испытывать угрызений совести и быть первоклассным лжецом. Честность и самоубийство - синонимичные термины.

Утверждение о том, что естественный отбор “благоприятствует аристократическим устремлениям”, включает в себя ту же ошибку. Оно предполагает, что аристократы находятся на вершине из-за пригодности быть там. Недавние разоблачения в Берлине указывают на то, что аристократы собственной страны Геккеля “лучше всего подходят” для мусорного бака.

Основное положение Геккеля заключается в том, что “борьба за существование” в природе является оправданием “конкуренции” в обществе. Начнем с того, что Кропоткин показал, что Геккель грубо искажает природу, когда говорит о “жестокой, безжалостной” борьбе за существование, которая бушует повсюду в одушевленной природе” и “между всеми живыми существами”. Когда это используется в защиту современного общества, это равносильно утверждению, что человеческое общество должно искать свои модели среди низших форм органической жизни, а не среди высших. Позицию Геккеля поддержал Спенсер и получил следующий умный ответ от проф. Ричи: “Борьба между растениями и низшими животными происходит в основном между представителями одного и того же вида; и индивидуальная конкуренция между людьми, которой так восхищается мистер Спенсер, относится к этому примитивному виду”.

Кропоткин говорит: “Если мы спросим природу: ”Кто наиболее приспособлен, те, кто постоянно воюют друг с другом, или те, кто поддерживают друг друга?”, мы сразу увидим, что те животные, которые приобретают привычки взаимопомощи, несомненно, являются наиболее приспособленными”.

Что касается желательности такой “безжалостной борьбы”, то Хаксли уместно говорит: “Из всех форм, которые приняло общество, та наиболее близка к совершенству, при которой война индивида против личности наиболее строго ограничена”.

Какой бы ни была истина среди простейших, мы можем смело применить к обществу утверждение Рескина: “Сотрудничество всегда и везде является законом жизни; конкуренция всегда и везде является законом смерти”.

Человеческое общество в конце концов достигает точки развития, когда вмешиваются случайные действия природы, и человек находит средства для достижения цели. Профессор Скиапарелли думал, что видел каналы на Марсе, и предположил, что там обитают разумные существа. Разница в водных путях между слепой природой и проектирующим разумом подобна разнице между бурлящей рекой и прямым каналом.

Сейчас человеческое общество достигло стадии, когда его осознание самого себя и возможность самоорганизации становятся важным фактором. Это огромный шаг вперед, и его будущие возможности кажутся безграничными. Однако, прежде чем это станет в значительной степени эффективным, необходимо будет досконально понять все фундаментальные социальные законы.

У нас не было стержня, чтобы управлять молнией, пока мы не узнали законы ее движения. Настоящего воздушного корабля не будет до тех пор, пока мы не овладеем законами воздушного полета. Социализм решает социальную проблему не потому, что она есть, а потому, что она является объяснением законов общественного развития вообще и существующего общества в частности. На этих законах основана наша вера. Сознательно приводя социальные институты, которые так глубоко влияют на нашу жизнь, в соответствие с этими законами, мы перестанем быть рабами слепой необходимости.

Как хорошо сказал Энгельс: “Социальная организация человека, до сих пор стоявшая перед ним как необходимость, навязанная Природой и историей, теперь становится результатом его собственных свободных действий. Посторонние объективные силы, которые до сих пор управляли историей, переходят под контроль самого человека. Только с этого времени человек сам будет все более и более сознательно творить свою собственную историю — только с этого времени социальные причины, приводимые им в движение, будут иметь в основном и в постоянно возрастающей мере ожидаемые им результаты. Это восхождение человека из царства необходимости в царство свободы”.

VIII.

“СОЦИАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗМ” СПЕНСЕРА.

Завершающим обобщением современной мысли является то, что представляет Вселенную как единство, взаимосвязанное во всех своих частях. Этим защитники дуализма дискредитируются, а их теологическая, метафизическая философия отбрасывается в сторону. Это уже не Бог и Человек, и даже не Человек и Бог, а только Человек, причем Бог - антропоморфная тень, относящаяся к человеку не как к его творцу, а как созданная им самим. Бог и Человек - это не “двое”, а на самом деле “одно”.

Современная наука изменила порядок их появления, а также порядок их зависимости. То, что нашим первобытным предкам казалось живой реальностью, отдельным и независимым существом, оказывается, после проверки антропологией и психологией, порождением их собственных грез.

И таким образом, в результате научных исследований происхождения дуализма и природы сновидений, как говорит профессор Клиффорд: “Смутные и призрачные очертания сверхчеловеческого божества медленно исчезают перед нами; и по мере того, как туман его присутствия рассеивается, мы со все большей и большей ясностью воспринимаем очертания еще более величественной фигуры — фигуры того, кто создал всех Богов и уничтожит их. С

тусклой зари истории и из самых сокровенных глубин каждой души на нас смотрит лицо нашего отца человека с огнем вечной юности в глазах и говорит: "Прежде чем был Иегова, я есмь".

Мыслитель, который хотел бы расправить свои интеллектуальные крылья в этой монистической атмосфере, должен обладать не только "различающим" умом, но и, как предполагает Маркус Хитч, "объединяющим" умом. Есть две ошибки, которых он должен избегать: создание различий, которых не существует, и игнорирование различий, которые существуют.

Главным грешником против этого первого канона диалектического мышления является наш старый друг теолог. Когда натуралисты-эволюционисты продемонстрировали безнадежную неправду его "богооткровенных" легенд о происхождении людей и вещей, он нашел убежище в остроумной теории, согласно которой эти басни, хотя и не поддающиеся научному обоснованию, были, тем не менее, духовно истинны. Короче говоря, научная истина и духовная истина были настолько различны, что не имели жизненно важных отношений. Эти "искусные ловкачи" избавили спорную литературу от большей части ее привычной тяжеловесности и в целом способствовали веселью народов.

Социалисты всегда были одними из первых, кто наслаждался этими развлекательными представлениями, и это кажется божественным возмездием, когда те же самые богословы и "Преподобные" люди переходят в Социалистический лагерь и приносят с собой свои устаревшие методы мышления.

Они называют себя "христианскими" социалистами и продолжают доказывать, что "социализм - это философия, касающаяся социальной и экономической жизни человека, а вовсе не религиозная". Когда Маркс заявил, что политические, правовые и другие социальные институты и идеи являются результатом экономических условий и классовых интересов, религиозные институты и идеи, конечно, были исключены.

После такого душевного перелома, что может помешать примирению между болтовней методистской кафедры 17 века и материалистической концепцией истории?

Не все теологи являются теми, кто нарушает второй данный канон. Среди тех, кто игнорирует различия, которые действительно существуют, социолог-биолог имеет право на заметное упоминание.

Огюст Конт, который "пытался превратить социологию в своего рода трансцендентальную биологию", имел, по крайней мере, то оправдание, что он написал свою позитивистскую философию до того, как Дарвин опубликовал свое "Происхождение видов", и, следовательно, когда биология еще была в моде, а социология еще не родилась. Хотя Конта обычно считают основателем социологии, эти ограничения сделали невозможным сделать немногим больше, чем изобрести название и предвидеть его возможности.

Однако вряд ли можно сослаться на эти оправдания Геккеля, который, как мы уже видели, полностью игнорировал в своих выводах фундаментальные различия между разделением труда в сообществах животных и таким разделением в человеческих обществах. Биологическая социология Геккеля удобно упускает из виду довольно важный факт, что, хотя рабочая пчела ни при какой возможности не может действовать как трутень, у рабочего человека, по крайней мере, нет физических недостатков, которые мешали бы ему делать все, что относится к роли

принца. Рассуждать по аналогии всегда опасно, особенно когда сама аналогия не выдерживает критики.

Хотя полезно помнить об этих правилах, следует признать, что их критическое применение несколько ограничено, когда мы переходим к знаменитой аналогии Спенсера между организмами животных и человеческими обществами. “Синтетический” философ намного превосходил Геккеля в социологии, и он обладал огромным фондом биологических знаний, которые были недоступны Конту, писавшему четверть века назад.

Таким образом, Спенсер, по-видимому, признает, что его эссе о “Социальном организме” в значительной степени представляет собой остроумную аналогию, выводы из которой следует делать с осторожностью. Нельзя сказать, что буржуазные ученые всегда проявляли в этом отношении очень научный склад ума. Напротив, они при каждом удобном случае заявляли, что определенные предполагаемые истины в физике или биологии находятся в непримиримом противоречии с определенными социалистическими выводами в социологии.

Но мы можем найти ключ к милосердию Спенсера в том, что касается выводов, в довольно удивительном факте, который вскоре обнаружится, что единственный законный вывод, который полностью подтверждается аналогией, является точным противоречием всему, что когда-либо провозглашал Спенсер по социальным вопросам.

Само эссе, как и большая часть работ Спенсера, многословно и утомительно, поэтому мы выберем только его самые важные и яркие сравнения.

Введение превосходно, и в качестве текста используется великое изречение сэра Джеймса Макинтоша — великое в его неэволюционный век, хотя и очень распространенное сегодня — “Конституции не создаются, а растут”. Затем он объявляет, что “центральной идеей платоновской модели республики” является “соответствие между частями общества и способностями человеческого разума”.

Следующим идет Гоббс, философ из Малмсбери, со своим знаменитым “Левиафаном”. Гоббс стремился установить еще более определенный параллелизм; однако не между обществом и разумом, а между обществом и человеческим телом. “Левиафаном” Гоббса было Содружество, и он “заходит в этом сравнении так далеко, что фактически дает рисунок Левиафана — огромной фигуры в форме человека, тело и конечности которой состоят из множества людей”.

Спенсер подробно критикует эти аналогии Платона и Гоббса, но считает, что главная ошибка обоих авторов состоит в предположении обоих, “что организация общества сравнима не просто с организацией живого организма в целом, но с организацией человеческого организма в частности. Нет никаких оснований предполагать это. Это никоим образом не вытекает из свидетельств; это просто одна из тех фантазий, которые мы обычно находим смешанными с истинами ранних спекуляций”. Но, настаивает Спенсер: “Несостоятельность конкретных параллелизмов, приведенных выше, не является основанием для отрицания существенного параллелизма, поскольку ранние идеи обычно являются лишь смутными намеками на истину”.

В отсутствие великих обобщений биологии, как мы уже говорили, “невозможно было проследить реальные отношения особых организаций к организациям другого порядка”. Поэтому он предлагает “показать, каковы аналогии, которые раскрывает современная наука”.

Затем Спенсер обнаруживает четыре пункта, в которых индивидуальный организм и общество сходятся, и четыре, в которых они расходятся. Пунктами согласия являются:

(1.) “Что, начиная с небольших скоплений, они незаметно увеличиваются в массе; некоторые из них в конечном итоге достигают размеров, в десять тысяч раз превышающих первоначальные”.

(2.) “Будучи вначале настолько простыми по структуре, что их можно считать бесструктурными, они приобретают в процессе своего роста постоянно усложняющуюся структуру”.

(3) “Что, хотя в их ранних, неразвитых состояниях в них едва ли существует какая-либо взаимная зависимость частей, их части постепенно приобретают взаимную зависимость; которая, наконец, становится настолько сильной, что активность и жизнь каждой части становятся возможными только благодаря активности и жизни остальных”.

(4.) “Что жизнь общества независима от жизни любой из составляющих его единиц и гораздо более продолжительна, чем они сами; они по отдельности рождаются, растут, работают, размножаются и умирают, в то время как политическое тело, состоящее из них, выживает поколение за поколением, увеличиваясь в массе, завершенности структуры и функциональной активности”.

Разница заключается в четырех моментах:

(1) “Что общества не имеют особых внешних форм”.

(2) “Хотя живая ткань, из которой состоит индивидуальный организм, образует непрерывную массу, живые элементы общества не образуют непрерывной массы; но более или менее широко рассеяны по некоторой части поверхности земли”.

(3.) “В то время как основные живые элементы индивидуального организма в основном зафиксированы в своих относительных положениях, элементы социального организма способны перемещаться с места на место”.

(4.) “Последнее и, возможно, самое важное различие состоит в том, что в то время как в теле животного чувствующей наделена только особая ткань, в обществе чувствами наделены все члены”.

Следует отметить, что, хотя Спенсер считает, что значимость параллелизмов возрастает по мере их изучения, различия имеют тенденцию исчезать при детальном рассмотрении.

Преимущество, которое имел Спенсер перед Платоном и Гоббсом, очень ясно видно в первом и четвертом параллелизмах, ни один из которых не мог быть проведен до двадцати одного года назад, когда в 1839 году Теодор Шванн разработал свою великую теорию о том, что организм представляет собой организованное сообщество взаимосвязанных клеток. “Важность этой теории,” говорит профессор Тэтчер, “трудно оценить. Она дала совершенно новый взгляд на животный и растительный мир”. Во всяком случае, это очень помогло Спенсеру в этом эссе.

Следующие десять страниц посвящены органическому развитию от простейших, низших крошечных форм животных, до ракообразных - крабов и т.д., которые стоят существенно выше на животной шкале. Это развитие отмечено растущей взаимной зависимостью частей и

растущим разделением труда. Это сравнивается с развитием общества от первобытных бушменов до ранних англосаксов, в ходе которого прослеживаются соответствующие явления.

Он избегает ошибки Геккеля, по крайней мере, в том, что называет два разделения труда их собственными именами. У животных это “физиологическое” разделение труда; в обществе - “экономическое” разделение труда. Было бы ли бы он все еще способен осознать это различие, имея дело с теми сообществами муравьев и пчел, где Геккель заблудился, показывать нечего.

Пристрастия Спенсера к среднему классу ярко проявляются, и для этой совершенно замечательной части общества приводится очень красивое физиологическое обоснование.

Первым шагом в развитии эмбриона является его деление на два основных слоя клеток — слизистый слой и серозный слой. Слизистый слой, так сказать, тонкая внутренняя оболочка тела, поглощает питательные вещества. Но эти питательные вещества должны быть переданы серозному слою, который формирует нервы и мышцы. В настоящее время между этими двумя возникает третий — сосудистый слой. Из этого третьего слоя развиваются главные кровеносные сосуды, которые служат для транспортировки питательных веществ от внутреннего или слизистого слоя, который их собирает, к внешнему или серозному слою, который использует их для построения всей организации.

“Что ж, ” говорит Спенсер, “ не можем ли мы проследить параллельный шаг в социальном прогрессе?” Между правящими и управляемыми поначалу не существует промежуточного класса; и даже в некоторых обществах, достигших значительных размеров, едва ли есть кто-либо, кроме знати и их родственников, с одной стороны, и их крепостных - с другой; социальная структура такова, что передача товаров происходит непосредственно от рабов к их хозяевам. Но в обществах более высокого типа между этими двумя примитивными классами вырастает другой — торговый, или средний, класс. Точно так же на первых порах, как и сейчас, мы можем видеть, что, говоря в целом, этот средний класс является аналогом среднего слоя в зародыше ”.

Жаль нарушать это безмятежное самодовольство, указывая на то, что настоящими перевозчиками товаров являются не представители среднего класса, которые, как правило, мало что делают и живут хорошо, а та часть рабочего класса, которая управляет грузовыми поездами, водит упряжки и толкает грузовики. Что касается того “высшего” класса клеток, который получает эти товары и потребляет их, с пользой занимаясь построением нервной и мышечной системы; такое сравнение может быть применимо только к работникам умственного труда общества, и оно не содержит оправдания бесполезному паразитическому типу, представленному такими очаровательными личностями, как Гарри Тау и Реджи Вандербильт.

Другим очень интересным моментом является физиологическое обоснование выгоды Спенсером. Конечности, железы или другие члены животного развиваются в результате физических упражнений. Но для того, “чтобы любой орган живого существа мог расти благодаря физическим упражнениям, необходимо достаточное поступление крови”. Любое действие подразумевает растрату; кровь приносит материалы для восстановления; и прежде чем может начаться рост, количество поступающей крови должно быть больше, чем требуется для восстановления.

“В обществе происходит то же самое. Если в каком-либо районе, производящем для общества определенные товары — скажем, шерсть в Йоркшире, — возникает повышенный спрос; и если при удовлетворении этого спроса возникают определенные расходы и износ производственной

организации; и если в оплату за дополнительное количество отправленной шерсти возвращается только такое количество товаров, которое возмещает затраты и восполняет потерю жизни и оборудования, то роста, очевидно, быть не может. Чтобы был рост, товаров, получаемых взамен, должно быть более чем достаточно для достижения этих целей; и ровно настолько, насколько велик избыток, рост будет быстрым. Отсюда очевидно, что то, что в коммерческих делах мы называем прибылью, соответствует избытку питания над отходами в живом организме”.

Эта “физиологическая” политическая экономия с лихвой показывает, до каких пределов доводятся апологеты буржуазии, чтобы найти оправдание той эксплуатации труда, которая является единственным источником прибыли. Завершая этот пункт, Спенсер, по-видимому, высмеивает свою собственную позицию и в то же время дает нечто, очень похожее на социалистическое объяснение паники. Он говорит: “И если в политическом организме какая-то часть была стимулирована к высокой производительности, а впоследствии не может получать оплату за всю свою продукцию, некоторые из его членов становятся банкротами, и он уменьшается в размерах”.

Истина всего этого заключается в том, что Спенсер полностью запутался в тот момент, когда он касается политической экономии, и вместо некоторых элементарных знаний по этому предмету мы имеем устаревшие теории Манчестерской школы, провозглашенные от имени физиологии.

Далее следует серия очень остроумных сравнений. Следуя Либиху, он сравнивает монеты с кровяными тельцами, называя их более поздними кровяными дисками, чтобы усилить аналогию, и заключает: “во всех обширных подразделениях низших животных кровь не содержит кровяных телец; а в обществах с низкой цивилизацией нет денег”.

Затем развитие кровеносных сосудов у низших животных сравнивается с развитием дорог в примитивных обществах; их большее совершенство у высших животных сравнивается с железными дорогами, которые более эффективно доставляют продукты питания к населенным пунктам. Среди всего фантастического и скучного он говорит: “И на железных дорогах мы также впервые в общественном организме видим систему двойных каналов, по которым токи проходят в противоположных направлениях, как это делают артерии и вены хорошо развитого животного”.

“В конце концов, - говорит Спенсер, “мы подходим к нервной системе”. Это, безусловно, самый интересный пункт в каталоге Спенсера, потому что именно здесь философ-эволюционист и политик Манчестерской школы вступают в открытое противоречие.

“Теперь мы должны сравнить приборы, с помощью которых регулируется общество в целом, с теми, с помощью которых регулируются движения отдельного существа”.

Начиная с нервной системы низших животных, он обнаруживает, что ее неполноценность заключается в отсутствии управляющего центра. Нижняя кольцевая оболочка состоит из ряда кольцеобразных сегментов. Каждое кольцо имеет свои собственные нервные узлы, соединенные соединительными нервами, но “очень неполностью зависящие от какой-либо общей управляющей силы. Следовательно, получается, что когда тело разрезано надвое, задняя часть продолжает двигаться вперед под действием его многочисленных ног; и что, когда цепь нервных узлов разделена без разделения тела, можно видеть, как задние конечности

пытаются продвинуть тело в одном направлении, в то время как передние конечности пытаются продвинуть его в другом ”.

По мере того, как мы продвигаемся вверх в животном мире, нервная система достигает высшей точки в централизованном мозге, и точно так же, по мере усложнения общества, появляется правительство.

И теперь великий апостол невмешательства правительства в жизнь общества впадает в вопиющее противоречие, утверждая, что высшая организация животных - это та, в которую мозг, который он сравнивает с правительством в обществе, вмешивается и контролирует наиболее эффективно.

“Каким бы странным ни показалось это утверждение, ” говорит он, “ наши Палаты парламента выполняют в социальной экономике функции, которые во многих отношениях сравнимы с функциями, выполняемыми мозговыми массами позвоночных животных”. Действительно, странно! Особенно для учеников мистера Спенсера.

Затем мистер Спенсер обнаруживает, что вид мозговой активности, проявляемый высшими животными, лучше всего соответствует той форме правления, которая называется “представительной”.

Он говорит: “Природа тех крупных и наиболее развитых нервных узлов, которые отличают высших животных, состоит в том, чтобы интерпретировать и комбинировать умноженные и разнообразные впечатления, передаваемые им из всех частей организма, и регулировать действия таким образом, чтобы должным образом учитывать их все; точно так же в природе тех великих и наиболее развитых законодательных органов, которые отличают наиболее развитые общества, интерпретировать и комбинировать желания всех классов и местностей и издавать законы в согласии с общими потребностями”.

Из этого следует, что общество, правительство которого представляет интересы лишь горстки людей, в то время как о подавляющем большинстве никто не заботится, страдает от социального паралича.

Прежде чем мы перейдем к следующей главе, где рассмотрим позицию, представленную в “Человеке против государства”, мы заметим один пробел в аналогии Спенсера, который он не замечает.

Когда мозг животного разрушается, животное умирает; у него нет выбора. Но когда мозг общества не в состоянии представлять интересы массы людей, составляющих это общество, или когда социальный мозг выходит из—под контроля и провоцирует катастрофу, общество может сделать свой выбор, оно может выбрать смерть или - оно может получить новый мозг.

IX. ИНДИВИДУАЛИЗМ СПЕНСЕРА.

Индивидуализм мертв.

Как теория, она была передана в исторический музей вместе с “Флогистоном” Штала, “Катаклизмами” Кювье и “Теорией цветов” Гете. Революция в философии, которая охватывает девятнадцатый век и уходит корнями в последние десятилетия восемнадцатого, встречалась с ним и опрокидывала его на каждом шагу. Сегодня это остается в мире мысли воспоминанием о предшествующей стадии общественного развития, поскольку несовершенный остаток “третьего века” остается в наших телах сохранившимся рудиментом, наследием, которое связывает нас с нашими вымершими предками силурийского века.

Величайшее имя, когда-либо брошенное на чашу весов за индивидуализм и против социализма, - это имя Герберта Спенсера. У него репутация величайшего индивидуалиста всех времен.

Многие люди, включая социалистов, которые не знакомы с работами Спенсера, задаются вопросом, как получилось, что великий философ-эволюционист мог защищать такую устаревшую и антиэволюционную теорию, как индивидуализм. С решением этой проблемы индивидуализм практически уничтожен — по крайней мере, исчезла его главная опора.

Все внимательные изучающие труды “синтетического” философа, в конце концов, признают двойственную личность мистера Спенсера; “Доктор Джекилл” из “эволюции” и “Мистер Хайд” индивидуализма.

В предыдущей главе речь шла главным образом о первом; в этой главе речь пойдет главным образом о втором.

Основные высказывания мистера Спенсера против того, что он считал социализмом, и в пользу индивидуализма можно найти в том из четырех эссе, озаглавленном “Человек против государства”. В этой книге мистер Спенсер горько жалуется на быстрое расширение государственного вмешательства в Англии его времени. Он объявляет эти “Акты парламента” все большим и большим ограничением индивидуальных прав гражданина.

Вот несколько актов, которые осудил Спенсер: Закон, предписывающий Торговому совету регистрировать осадку морских судов, покидающих порт, и другой, предписывающий фиксировать количество спасательных шлюпок и спасательных приспособлений, которые должны нести такие суда. Закон, объявляющий незаконной шахту с одним стволом: Инспекция свинцовых белил, направленная на то, чтобы заставить владельцев предоставлять рабочим спецодежду, респираторы, ванны, подкисленные напитки и т.д.: Обеспечение инспекции газовых работ: Введение обязательных правил тушения пожаров в Лондоне; Обложение местности налогом на местный дренаж; Что пекарни должны периодически промываться известью и убираться горячей водой с мылом не реже одного раза в шесть месяцев; Обеспечить достойное жилье для лиц, собирающих фрукты и овощи для общественного потребления; Обеспечить бесплатное обязательное образование и государственные школы; Закон о публичных библиотеках; Все фабричные акты, ограничивающие детский труд или обеспечивающие защиту опасного оборудования; Закон о сохранении морских птиц;

Учреждение государственной телеграфии; Предложения по кормлению детей; Государственный фонд научных исследований; и т.д.

Все эти меры и многие другие подобного рода вызвали негодование величайшего пророка индивидуализма, потому что, по сути, они ущемляли чье-либо право поступать в чем-либо так, как ему заблагорассудится. К счастью для Англии, мистер Спенсер и горстка его последователей-индивидуалистов остались в одиночестве, в то время как электорат проводил эти законы через свои высшие инстанции.

Можно представить себе “радость жизни” в индивидуалистической аркадии, созданной по образцу сердца самого мистера Спенсера. Рабочий человек мог бы заняться профессией моряка. Он мог бы сесть на прогнившую старую посудину какого-нибудь жадного судовладельца, застрахованную во много раз больше ее стоимости, загруженную по самый планшир и наверняка затонувшую, когда она скроется из виду, туда, где вода была немного грубее зеркального стекла. Конечно, он жил бы в рамках системы “добровольного сотрудничества” и “свободы контрактов”, и если бы он не хотел идти в море, он мог бы остаться дома и — умереть с голоду. В порту будет очень мало работы по разгрузке судов, поскольку очень многие из них никогда не вернутся для разгрузки. Когда страховые деньги были выплачены, судовладелец мог устроить банкет и заявить о личном праве моряка утонуть в интересах коммерции, не вмешиваясь в дела правительства по поводу спасательных шлюпок и других дорогих и бессмысленных приспособлений.

Если бы он предпочел работать на “твердой земле”, он мог бы получить работу в шахте только с одним стволом, который в случае появления рудничного газа был бы преобразован в печь. Тогда, поскольку не было бы никакой возможности выбраться, ни один человек, склонный к социализму, не смог бы оспорить свое личное право остаться внутри. Если бы он предпочел производство свинцовых белил, он мог бы “попасть” туда, и там, без респираторов, ванн или подкисленных напитков, он мог бы стать физической развалиной через год и трупом через два. Или же он мог бы обратиться на газовый завод, и, поскольку там не было инспекторов, ничто не могло бы помешать его личному праву быть задушенным в духовке или поджаренным в реторте.

Поскольку заработная плата была бы небольшой, а профсоюзы не являлись бы институтами индивидуализма, он мог бы снять дешевый номер на верхнем этаже отеля без пожарных лестниц, в городе, где нет пожарных машин. Он мог дешево прожить на хлеб из пекарен, которые никогда не промывали известью и более шести месяцев не видели горячей воды или мыла, и питаться фруктами и овощами, приготовленными людьми, которые не беспокоились о приличном, не говоря уже о санитарных условиях, жилье.

У него была бы свобода продолжать заниматься физическим трудом, поскольку не было бы государственных школ или библиотек, которые помогли бы ему получить квалификацию по какой-либо профессии, такой как, например, журналистика. Это, без сомнения, было бы скрытым благословением, поскольку, если бы он стал писателем, вместо того чтобы следовать блестящему примеру мистера Спенсера, он мог бы злоупотреблять своими способностями во вред расе, выступая за ограничение или даже отмену детского труда. Если бы он женился, то мог бы сам пришить себе пуговицы, поскольку его жена оставила свои пальцы среди винтиков непокрытого механизма.

Таким был бы социальный рай, основанный на принципах “манчестерской” школы политики, которые знаменуют расцвет индивидуализма и главным апостолом которых был Герберт Спенсер.

Сравните это умонастроение с умонастроением социалиста-утописта Роберта Оуэна, перед которым Спенсер имел преимущество в семьдесят лет. В 1815 году Оуэн созвал большое количество производителей хлопка в Глазго, Шотландия, чтобы обсудить состояние торговли хлопком, которая в то время находилась в очень бедственном положении. На этой конференции он представил два предложения: одно - помочь хозяевам, другое - принести пользу рабочим. Первое заключалось в том, что они должны обратиться в парламент с петицией об отмене тарифа на хлопок-сырец; второе, что они должны обратиться в парламент с просьбой сократить рабочий день и иным образом улучшить условия труда рабочих на фабриках. Первое предложение было принято единогласно, но то, к которому прикипело сердце Оуэна, даже не было поддержано.

Зная, поскольку он знал ужасное состояние английского рабочего класса того периода, бессердечная жестокость этих хищных хозяев вызвала у него иронию и вызов. Он выступил на конференции с обращением, которое напечатал и распространил по всем уголкам страны.

Вот как лев набросился на шакалов:

“Действительно, главной опорой политического величия и процветания нашей страны является производство, которое в том виде, в каком оно ведется сейчас, наносит ущерб здоровью, морали и социальному комфорту массы людей, занятых в нем. Только с тех пор, как появилась торговля хлопком, детей в возрасте, когда они еще не набрались сил или умственного развития, заставляли работать на хлопчатобумажных фабриках — этих вместилищах, в слишком многих случаях, для живых человеческих скелетов, почти лишенных интеллекта, где, как это часто делается сейчас, они влачат несколько лет жалкого существования, приобретая все вредные привычки, которые они могут распространить по всему обществу. Только с момента появления этого ремесла дети и даже взрослые люди были обязаны трудиться более двенадцати часов в день, не считая времени, отведенного на питание. Только с тех пор, как появилось это ремесло, единственным развлечением рабочего стало посещение пивной или пивнушки, только с тех пор, как появилось это пагубное ремесло, бедность, преступность и нищета быстрыми и устрашающими шагами распространились по всему обществу.

Должны ли мы тогда, не краснея, обратиться к законодателям нашей страны с просьбой принять законодательные акты, санкционирующие и расширяющие эту торговлю — подписать смертный приговор силе, морали и счастью наших ближних, и не пытаться предлагать исправления зла, которое она порождает? Если таково ваше решение, я, со своей стороны, не присоединюсь к ходатайству — нет, я буду всеми силами, которыми обладаю, противодействовать любым попыткам расширить торговлю, которая, за исключением названия, наносит большой вред тем, кто в ней занят, чем рабство бедных негров в Вест-Индии, ибо, как бы глубоко я ни интересовался производством хлопка, как бы высоко я ни ценил расширенную политическую власть моей страны, все же, зная по долгому опыту, как здесь, так и в Англии, страдания, которые эта торговля в том виде, в каком она ведется сейчас, причиняет тем, кому она нужна. я не колеблясь заявляю, что это дает работу: уничтожить торговлю хлопком, уничтожить даже политическое превосходство нашей страны, если оно зависит от торговли хлопком, а не от того, что их можно поддерживать, жертвуя всем ценным в жизни”.

Сравните эти благородные высказывания великодушного социалиста-утописта с насмешками над самым несчастным элементом рабочего класса, которые уродуют страницы книги “Человек против государства”, и пусть индивидуалист получает любое удовлетворение от контраста.

Но реакционные взгляды Спенсера не ограничивались противодействием любым попыткам облегчить положение производителей богатства его времени.

Как индивидуалист, он не потерпел бы никакого “вмешательства правительства” в права людей, которые хотели стрелять морских птиц, которых они не могли добыть, но которые обычно улетали в море и умирали на плаву со сломанным крылом. Зачем вмешиваться в дела этих возвышенно мыслящих людей? Разве они не были прототипами нашего собственного Рузвельта, который всегда готов проявить свою любовь к природе, убивая все на виду?

Какая жалость, что этим индивидуалистам не позволили, чтобы британской телеграфной системой управляла банда финансовых пиратов, подобных владельцам “Вестерн Юнион” и “Почтовой связи” этой страны.

Поскольку государственное подавление знаний оказалось такой плохой вещью в средние века, государственное поощрение обучения, конечно, должно быть столь же плохим в девятнадцатом веке. “Государственный фонд научных исследований”, вот уж точно! Не для сторонника индивидуализма. И все же Англия занимает самые почетные места в мире в области биологии благодаря Дарвину, чья возможность появилась благодаря правительственному исследованию “Бигля”, и Хаксли, который начал свою блестящую карьеру с правительственной экспедиции “Гремучей змеи”. Подобно тому, как Англия лидировала в мире в середине века, Франция занимала первое место в течение первой четверти его, и это благодаря тому, что французское правительство посылало научные экспедиции в тропики, которые по возвращении заполнили полки “Ботанического сада” образцами, сделавшими возможным появление величайших из ее мыслителей, таких как Ламарк, Кювье и Джеффри Сент-Илер.

Когда кормление школьников выдвигается в качестве обвинения против социализма, мы с гордостью признаем себя виновными. Наша слава в том, что единственными городами в мире, где нет голодающих детей за школьными скамьями, являются такие города, как Лилль, Иври, Монлюкон и т.д., с социалистическим большинством в городских советах, которые устранили позор.

Таковы были аргументы этого знаменосца индивидуализма, который на протяжении тридцати лет снабжал противников социализма возражениями. Его индивидуалистическая философия сейчас настолько основательно дискредитирована, что не требовала бы ответа, если бы не факт, указанный Хаксли, что ошибочные идеи не умирают просто потому, что их убили.

Нет необходимости выдвигать на позиции тяжелую артиллерию Маркса, чтобы разрушить этот картонный домик. Спенсер - достаточный ответ Спенсеру.

Вот великое противоречие. Спенсер, великий биолог, говорит, что мозг для животного - то же, что правительство для общества. (1) Чем эффективнее и полнее мозг контролирует элементы, составляющие организм животного, тем выше его место на органической шкале. (2) Чем менее эффективно и полно правительство контролирует членов политического органа, тем лучше будет общество.

Социологическая литература не смогла создать ни одного сторонника индивидуализма, способного примирить это поразительное противоречие. И вот она ясно стоит перед глазами читателей мистера Спенсера.

“Предположим, - говорит профессор Хаксли, - что в соответствии с этой точкой зрения каждая мышца утверждала бы, что нервная система не имеет права вмешиваться в ее сокращение, за исключением предотвращения того, чтобы она препятствовала сокращению другой мышцы; или каждая железа, что она имела бы право выделять, при условии, что ее секреция ничему не мешает; предположим, что каждой отдельной клетке было бы предоставлено право следовать своим собственным “интересам” и невмешательству, господину всего, что произошло бы с физиологией тела? Дело в том, что суверенная сила тела думает за физиологический организм, действует за него и управляет отдельными компонентами железным стержнем. Даже кровяные тельца не могут провести публичное собрание без того, чтобы их не обвинили в “перегруженности” — и мозг, подобно другим известным нам деспотам, немедленно призывает применить против них острую сталь”.

Это та скала, о которую ударился индивидуализм Спенсера и разбился вдребезги, независимо от тех великих сил, на которые я укажу, приведших к его распаду.

Эти две противоречивые позиции являются верхним и нижним жерновами, между которыми размалывается в порошок индивидуалистическая философия анархизма. Социалисты не настолько глупы, чтобы утверждать, что, поскольку общество может обойтись без короля, у оркестра не должно быть “руководителя”. Мы также способны различать “государство”, которое упразднит социализм, и “управление промышленностью”, которое оно установит.

Каждый шаг вперед в современной мысли подчеркивает важность фактора, называемого “окружающая среда”. Философия эволюции - это философия окружающей среды. Ламарк, величайший пионер современной науки, считает изменение окружающей среды первостепенной необходимостью органического развития. Дарвин считает окружающую среду селективным фактором в “Естественном отборе”, и в этом его поддерживают все известные ныне биологи. Карл Маркс провел параллель с этими великими достижениями, открыв, что каждая политическая философия берет свое начало в определенной экономической среде. Это справедливо как для социализма, так и для индивидуализма.

И поэтому, если мы хотим понять историческое значение индивидуализма, мы должны вернуться к периоду его зарождения и изучить социальные процессы производства того времени. Это возвращает нас к началу 19 века.

В последней половине 18 века рабочие единолично владели маленькими и грубыми инструментами, с помощью которых они зарабатывали себе на жизнь. На этой стадии общественного развития работник, владеющий инструментами, которые он использовал, присваивал результат. Здесь не было никакого противоречия, и любое понятие справедливости, которое, как предполагается, присуще “индивидуальной собственности на средства производства”, черпает всю свою силу из экономического статуса работника того периода. Если бы этот статус остался неизменным, о социализме никогда бы не услышали. Но в процессе эволюции правда и справедливость 18-го века стали ложью и социальным злом в 19-м.

Эта трансформация была вызвана развитием машиностроения. Каждый отдельный рабочий не мог владеть большой машиной, и поэтому некоторые люди стали безденежными наемными рабочими, нанятыми владельцами машин. Это начало современной проблемы труда, и здесь возникает борьба в мире идей между философией индивидуализма и философией социализма.

Давайте рассмотрим жизненно важные изменения, произошедшие еще до того, как мы достигли середины прошлого столетия. Теперь один человек использует инструменты, но другой владеет ими и присваивает результат. И это экономическая основа классовой войны между эксплуатируемым наемным рабочим и эксплуатирующим капиталистом.

Но индивидуалистические теории, присущие 18 веку и его способу производства богатства, перешли в 19 век, где их экономическое обоснование прекратилось. По мере того как удачливые индивидуальные владельцы машин обнаруживали, что они стремительно обогащаются независимо от своих личных усилий, они становились восторженными сторонниками “индивидуализма” и в конечном итоге основали “манчестерскую” политическую школу, главным рупором которой был Герберт Спенсер, а Генри Джордж - несколько запоздалый трубач.

В эпоху расцвета индивидуализма “норма прибыли” была самой высокой: одна ланкаширская прядильщица хлопка могла похвастаться тысячепроцентной. Но социальный ад, в котором жил английский рабочий класс того периода, не имеет аналогов в наше время. Его система детского труда, как записано в правительственных “синих книгах”, а также уже показано Оуэном, была неопишимо ужасной, но производители выступали против “вмешательства правительства”, и философия индивидуализма с ее пугалом “патернализма” была их малодушным оправданием.

С объединением рабочих на фабриках производство стало обобществленным, и теперь возникло это противоречие: производство было общественным, в то время как собственность и присвоение были индивидуальными. Социалисты того периода справедливо утверждали, что общество должно либо вернуться в производстве к индивидуальной форме, чтобы быть в гармонии с существующей индивидуальной формой собственности и присвоения, либо оно должно принять общественную собственность и социальное присвоение, чтобы соответствовать уже существующему общественному производству.

Но колесо истории никогда не поворачивается вспять, и последнему решению суждено в конечном итоге восторжествовать. Социальная эволюция уже продвинула нас далеко в этом направлении. С организацией капитала индивидуальная собственность исчезла, и ее место заняла классовая собственность. Борьба 20-го века - это борьба не между индивидами, это борьба между классами, и поэтому индивидуализм потерял свой смысл — он перестал существовать.

С исчезновением экономического фундамента индивидуализма и ниспровержением возведенной на нем философской надстройки все его лозунги утратили силу очарования. Свободная торговля, свободный труд, свободный контракт, свободная конкуренция - все это затяжные и запоздалые отголоски ушедшего дня.

“Свободная торговля” была протестом растущего класса капиталистов против ограничений, наложенных на его торговлю феодальным режимом. Теперь он выступает в новой роли; это крик мелкого капиталиста против тех “грабительских трестов”, которые обнаружили, что

конкуренция - это не жизнь, а смерть торговли, и используют покровительство, чтобы уничтожить своих более слабых собратьев-грабителей.

“Свободный труд” был требованием капиталиста освободить крепостного от земли в деревне, чтобы он мог быть доступен для эксплуатации на фабрике, в городе. В Англии была предпринята попытка вдохнуть новую жизнь в эту несуществующую фразу “Ассоциацией свободного труда” - организацией, которая имела то общее с нашим “Альянсом граждан”, что она стремилась побудить дорогих добропорядочных рабочих держаться подальше от “тиранических” профсоюзов.

“Свободы договора” или, как ее иногда называют, “Добровольного сотрудничества” никогда не существовало в капиталистическом обществе и никогда не было ничем иным, как мрачной шуткой или откровенной ложью. Где свобода или волюнтаризм рабочего, который должен работать ради того, что он может получить, или умирать с голоду, как собака на улице?

Последствия “свободной конкуренции” в Англии на заре капитализма, где она была наиболее свободной, были таковы, что никто, кроме дьявола, не пожелал бы вспоминать о них. Ореол “могло бы быть”, которым современные индивидуалисты стремятся окружить этот принцип, является сном в летнюю ночь, который никогда не существовал в реальном мире и никогда не может быть реализован, кроме как в фантазмории их собственного идеологического воображения.

Индивидуализм во всех его формах стал анахронизмом. Обожествленное “я” Макса Штирнера, воображающее себя восседающим на троне на вершине Вселенной и направляющим движение планеты Юпитер, согнув мизинец, - это идеологический фантазм, не имеющий никакой связи с твердой землей. Цветистые призывы Эмерсона вести благородную жизнь в неблагородном окружении - это приглашение попытаться сделать то, что для массы является невозможным. Любая философия, предлагающая спасти индивида без преобразования его социального окружения, осуждается современной наукой.

Если в обществе, более высокоорганизованном, чем любое известное истории, у нас все еще царит анархия в производстве и распределении нашего богатства, выходом является не меньшая социальная организация, а большая. Если при всей нашей стоматологической науке зубная боль все еще существует, лечение заключается не в уменьшении числа стоматологов, а в увеличении количества стоматологий. Сегодня обществу требуется не меньше, а больше социальной организации. Нет никакой надежды вернуться к небольшой постановке шестидесятилетней давности, о чем мечтают Херст и Брайан. Увеличение числа бандитов в любом обществе не является заботой их жертв. Золотой век труда не в прошлом, а в будущем. Проблему труда нельзя решить, вернувшись к свиарнику или методам джунглей. Нет никакой пользы в том, чтобы вцепиться друг другу в глотки во имя бизнеса.

Свобода не может жить в обществе, раздираемом классовыми войнами. Ее завоевания возможны только при объединении человечества для покорения космического мира, которым оно проникнуто и окружено.

К счастью для нас, общество развивается независимо от чьего-либо мнения. Наши мнения следуют слепо и ощупью сзади. Мнения индивидуалистов не создают социальных законов в соответствии с определенными этическими требованиями; они интерпретируют и объясняют те законы, которые они обнаруживают в действии. Фундаментальный вопрос заключается не в

том, “лучше ли индивидуализм социализма?”, а в том, “Двигается ли общество в направлении того или другого?”

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо всего лишь сравнить современный мир с тем, что было десять или даже пять лет назад. Америка неуклонно движется к социализму, в то время как Европа развивается огромными скачками. Каждая цивилизованная страна рассказывает одну и ту же историю, и недавнее развитие Финляндии и Австрии поразило мир.

Общество движется вперед так же неудержимо, как океанские приливы, и движется в направлении, предсказанном величайшими мыслителями этого или любого другого века — людьми, которые связали свою жизнь с кровью, слезами и полувековой борьбой за величайшее дело, которое когда—либо пульсировало в мозгу человека, - дело социализма.

Х. ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ДИЦГЕН

Одно из самых мрачных проклятий, обрушившихся на рабочий класс, - это его закрытость от чудесного мира современной мысли. Великие врата Храма Науки захлопываются перед его носом, и его разум питается теологическим мусором Средневековья. В школе, в прессе и особенно с кафедры идеи серьезно преподносятся как серьезные истины, которые, как известно всем университетским работникам, являются тщательно разоблаченной ложью.

Газета двадцатого века беззастенчиво посвятит целую страницу представлению с наглядными иллюстрациями якобы недавно обнаруженных доказательств истинности легенды о Книге Бытия, которая оказала такую верную услугу правящему классу, отупляя мозг своих жертв. Эти лицемерные заявления никогда публично не опровергаются, хотя каждый человек, обладающий хотя бы малейшими научными знаниями, включая редакторов, знает, насколько они лживы. Эти достойные люди позволяют себе лукаво ухмыляться и опускать одно веко, поскольку среди них принято считать, что главный осел — рабочий класс — согласится нести бремя каждого в дополнение к своему собственному, только до тех пор, пока его держат в детском неведении обо всем, что он должен знать.

И это еще не все. Теперь, когда огромное количество рабочих отбрасывает эту древнюю ложь и нащупывает те великие истины, которые содержат зародыши их искупления, официальные ученые, истинные слуги правящего класса, искажают свою собственную науку, чтобы заставить ее противоречить всем идеям рабочего класса.

Такое отношение тех, кто долгое время служил интеллектуальным лакеям на профессорских кафедрах, принесло с собой еще одно пагубное проклятие — оно заставило значительное число работающих людей с подозрением относиться к самой современной науке. Это давняя трагедия - расставание с лучшим другом из-за беспочвенной клеветы заинтересованного врага.

Этот ужасно ошибочный антагонизм к науке, к сожалению, в какой-то мере нашел свое отражение в социалистическом движении, хотя, к счастью, растущее знакомство с классической литературой социализма разрушает его. В этой связи очень уместен следующий отрывок из-под пера Айседоры Ладофф:

“Современный рационалистический социализм основан, не исключительно на определенных экономических теориях и максимах, как думают некоторые узколобые "социалисты в чистом виде" и хотели бы заставить нас поверить, но на широком фундаменте современной науки и мышления. Экономические теории, свойственные современному социализму, являются производными от применения результатов достижений современного знания и философии в области социальной экономики. Проблема ‘чистых и незатейливых социалистов’ заключается в крайней ограниченности их ментального горизонта. Они случайно знают или, скорее, воображают, что овладели марксистской экономикой, в то время как современная наука и философия остаются для них запечатанным письмом. Вот почему они раздражаются всякий раз, когда и где бы они ни встречали в социалистической прессе статью, содержащую что-то иное, чем вечное, как у попугая, повторение псевдосоциалистических банальностей. Любая попытка представить вниманию читателей социалистических изданий проблески сияющего мира науки и философии, ведущие к социалистическим идеям во всем их спасительном значении для мира, представляется простодушным и суеверным саймоновским социалистам как атака на кого-то или что-то, как своего рода ересь и иноверие. Для таких людей религия науки - это религия невежества, и наоборот, невежество - это их религия и наука”.

Использование науки и философии правящим классом в качестве предлога для присвоения львиной доли богатств, произведенных трудом, не доказывает, что рабочие должны отказаться от философии как бесполезной для их дела. Напротив, как говорит Дицген: “Философия - это предмет, который тесно связан с рабочим классом”, и он добавляет: “Это, конечно, ни в коем случае не означает, что каждый рабочий должен пытаться познакомиться с философией и изучать связь между идеей и материей. Из того факта, что все мы едим хлеб, не следует, что все мы должны разбираться в помоле и выпечке. Но точно так же, как мы нуждаемся в мельниках и пекарях, рабочий класс нуждается в проницательных ученых, которые могут проследить за извилистыми путями лжепосвященников и разоблачить бессмысленность их трюков”.

Совершенно ясно, что рабочие, вместо того чтобы недооценивать ценность умственной подготовки, должны помнить, каким страшным оружием она оказалась в руках их врагов. Именно потому, что рабочим не хватало этого оружия, несмотря на их подавляющую численность и физическую силу, их всегда перехитряли. “Освобождение рабочих классов, - заключает Дицген, - требует, чтобы они овладели наукой века”.

Лестер Ф. Уорд, теории которого мы сейчас рассмотрим, предостерегает нас от ошибочного предположения, “ранее весьма распространенного”, что “наука состоит в открытии фактов”. Он утверждает, что “нет ни одной науки, в отношении которой это было бы верно, и гораздо более правильным определением было бы то, что наука состоит в рассуждениях о фактах”.

Мы можем вспомнить здесь ту ученую организацию, которая насмехалась над Дарвином как “простым теоретиком” и воздала свои почести неизвестному человеку, который собрал некоторые факты о бабочках, но тщательно избегал “рассуждений о них”. Конечно, ценность этих рассуждений в том, что они приводят к открытию тех законов или обобщений, которые

раскрывают связь фактов друг с другом и, таким образом, позволяют нам оценить их реальное значение.

Поэтому мы могли бы рискнуть продвинуться немного дальше и определить науку как открытие законов. Если бы не единообразие и неизменность физических явлений, астрономия была бы невозможна. Открытие эволюции заложило основы современной биологии. Теория атомов Дальтона и неизменность материи Лавуазье освободили химию от суеверий алхимии.

Таким образом, Уорд стоит на твердой почве, когда утверждает, что “незаменимая основа всех экономических и социальных наук” состоит в том факте, что “вся человеческая деятельность и все социальные явления строго подчиняются законам природы”. Именно трудность различения единообразных законов среди чрезвычайно сложных явлений общества задерживает надлежащее развитие социологии, хотя, как мы видели, эта трудность существенно усугубляется классовыми интересами, поставленными на карту.

Опять же, точно так же, как развитию биологии препятствовала доктрина особых творений, а еще раньше астрономии Коперника препятствовала геоцентрическая теория, так и теперь прогресс социологии сдерживается доктриной божественного провидения. Верующих в божественное провидение хорошо представляет индус, который на уроке английского сочинения говорил о своем отце как о “умершем по прихоти Бога, превосходящей всякое понимание”.

Именно потому, что “каприз” не может быть понят и, следовательно, не может быть положен в основу предвидения, он не может быть допущен в область науки. Наука, как хорошо сказал Старке, основана на “вере в универсальность причинности”. Если деятельность людей и политика наций не управляются причиной и следствием, наука об обществе невозможна.

И все же, утверждает Уорд, именно принятие этого “совершенно здравого абстрактного принципа” “привело к величайшей и фундаментальнейшей из всех экономических ошибок, ошибке, которая проникла в самое сердце современной научной философии, оказывая широкое влияние на общественное мнение и оказывая упорное сопротивление всем попыткам вытеснить ее”.

И теперь мы подходим к лейтмотиву всей системы Уорда и в то же время к тому моменту, когда он полностью порывает с биологическими социологами. Ошибка, которую Уорд приписывает им всем, опровержение которой является главной целью его работы, описывается следующим образом:

Эта ошибка заключается в практическом игнорировании существования в человеке рациональной способности, которая, хотя и не делает его действия менее подчиненными законам природы, настолько сильно их усложняет, что их уже нельзя свести к простым формулам, которых достаточно для исчисления чисто животных мотивов. Этот элемент незаметно прокрадывается между ребенком и взрослым и совершенно незамеченным сводит на нет лучшие схемы экономистов и философов. Великий психический фактор был упущен из виду, интеллектуальный или рациональный фактор, и этот фактор настолько колоссален, что нет места удивлению при созерцании масштабов ошибки, к которой привело его упущение”.

Это краеугольный камень социологии Уорда. С большой тщательностью он разъясняет жизненно важное различие между экономикой природы с ее слепыми силами и экономикой

общества с его ментальным распределением средств для достижения целей. Он систематизирует тот хорошо известный набор фактов, которые доказывают огромное расточительство, постоянно происходящее в мире природы.

Согласно М. Quatrefages, два последовательных поколения одной воши покрыли бы восемь акров. Большое каштановое дерево в июне содержит до тонны пыльцы. Учитывая размер пыльцевых зерен, их количество на таком дереве было бы почти невообразимым. Лопается слоеный шарик, и из него возникает облако, которое заполняет воздух на некоторое расстояние вокруг. Это облако состоит из почти бесконечного числа мельчайших спор, каждая из которых, если по редчайшей случайности попадет в благоприятное место, способна воспроизвести гриб, к которому она принадлежит.

И все же, несмотря на всю эту огромную репродуктивность, популяция этих видов остается практически неизменной. Уорд очень сильно возражает против того, чтобы это безумное расточительство природы было возведено в качестве модели для человеческого общества, и он имеет право на сочувствие социалистов, которые всегда протестовали против бесплановой анархии капиталистического производства, которое, однако, каким бы плохим оно ни было, вряд ли можно считать обстоятельством по сравнению с беспорядочным расточительством природы.

“Растрата бытия, ” говорит Эйса Грей, - огромна, далеко за пределами обычного понимания. Семена, яйца и другие зародыши созданы для того, чтобы быть растениями и животными, но ни один из тысячи или миллиона не достигает своего предназначения ”. И Грей с одобрением цитирует статью в “Вестминстер Ревью”: “Когда мы обнаруживаем, что посев - это беспорядочное рассеяние, и что на одного обеспеченного человека приходится десять тысяч беспомощных, мы должны допустить, что существующий порядок будет считаться наихудшим беспорядком в любой сфере человеческой деятельности”.

Уорд, конечно, придерживается той же точки зрения: “Никто не будет возражать против того, чтобы природные методы были полностью объяснены и разоблачены, а также тщательно преподаны как великая научная истина. Только когда это преподносится как образец, которому должен следовать человек, и всем запрещается ‘вмешиваться’ в его работу, становится необходимым протестовать. Я попытаюсь еще больше показать, что это полностью противоречит всему, что разумное существо когда-либо могло бы себе представить, и что если бы существо, считающееся разумным, приняло это, его сочли бы безумным ”.

“Такова, - говорит Уорд, - экономия природы. Как отличается экономика разумного существа! Он подготавливает почву, очищая ее от овощей-конкурентов, затем осторожно высаживает семена через надлежащие промежутки времени, чтобы они не давили друг на друга, а после того, как они прорастут, он защищает их от врагов, будь то растения или животные, снабжает водой, если необходимо, даже восполняет недостаток химических компонентов почвы, если он знает, что это такое, и таким образом обеспечивает, насколько это возможно, энергичный рост и плодоношение каждого посаженного семени. Это экономия ума”.

И теперь Уорд излагает истину, которая хорошо знакома всем социалистам — разница между животным, живущим в естественном состоянии, и человеком, живущим в человеческом обществе, заключается в том, что человек - это инструмент, использующий животное. Такое использование и развитие орудий происходит благодаря тому применению разума, которое

называется способностью к изобретательству, которой не обладает ни одно другое животное. “Бобр действительно строит плотины, валя деревья, но его орудиями труда являются зубы, и при этом он не получает никаких дополнительных преимуществ, кроме того, что происходит в результате прикрепления мышц к его челюстям. Война животных ведется буквально зубами и ногтями, рогом и копытом, когтями и шпорами, бивнем и хоботом, клыком и жалом — всегда органическим, никогда механическим оружием”.

И поскольку человек может изобретать орудия труда и улучшать их, у него есть огромное преимущество перед другими животными. Именно это преимущество биологические социологи упустили из виду. Но это преимущество имеет огромное значение. Фундаментальное различие заключается в том, что “окружающая среда преобразует животное, в то время как человек преобразует окружающую среду”.

Что же тогда такое цивилизация? Это развитие человека за пределами животной стадии. Что является ее главным фактором? Это психическое — применение “разума” к жизненным проблемам.

Теперь мы видим еще больше, как логика его позиции непреодолимо подталкивает Уорда к социалистическим выводам. Он видит, что еще одно поразительное различие между иррациональной природой и рациональным обществом заключается в том, что природа конкурентоспособна, в то время как общество становится все более кооперативным. И это сотрудничество обусловлено большим развитием того психического фактора, который является главным инструментом цивилизации и побуждает людей избегать расточительства.

Обращаясь теперь к “Чистой социологии”, нам говорят, что предметом социологии являются “человеческие достижения”. Когда мы спрашиваем, в чем заключается это достижение, нам сообщают, что: “Достижение не заключается в богатстве. Богатство мимолетно и эфемерно. Достижение постоянно”.

Опять же, общую сумму вещей, составляющих достижение, можно выразить одним словом “изобретения”.

Достижение с помощью Ward - это другое название цивилизации. Страница за страницей перечисляются его особенности — музыка, живопись, поэзия, исследования, промышленность и многие другие вещи, о которых у нас нет места даже упоминать. Единственное, что здесь жизненно важно, - это то, что “достижение”, хотя и не включает в себя скоропортящиеся богатства, равно как и фактические скоропортящиеся механизмы, с помощью которых эти богатства были произведены, тем не менее, несомненно, включает в себя то, что социалисты называют “процессом производства”.

Это имеет первостепенное значение, потому что теперь, когда мы обращаемся к “Прикладной социологии” Уорда, мы обнаруживаем, что темой этой отрасли науки является не только достижение, но и “совершенствование”.

А теперь послушайте этого великого американского социолога, который настолько опередил всех своих современников, что у него практически не осталось соперников, этого мыслителя, чьи монументальные работы принесли ему международную репутацию; послушайте и сравните то, что последует дальше, с фокусами-покусами, которые обычно произносятся с официальных трибун:

“Цель прикладной социологии - согласовать достижение с улучшением. Если все эти достижения, составляющие цивилизацию, действительно были достигнуты без какого-либо улучшения условий существования человеческой расы, настало время исследовать причину этого. Прикладная социология включает в число своих основных целей изучение этого вопроса. Трудность заключается в том, что достижения не социализируются. Следовательно, проблема заключается в социализации достижений.

“Нам говорят, что никакая схема уравнивания людей не может увенчаться успехом; что сначала неравенство определялось физической силой; что это, наконец, уступило место силе хитрости, и что еще позже именно интеллект в целом определял место индивидов в обществе. Это последнее, как утверждается, является сейчас, в долгосрочной перспективе, у самых цивилизованных рас и в самых просвещенных сообществах истинной причиной, по которой одни занимают более низкие, а другие более высокие позиции в естественных слоях общества. Говорят, что это естественное состояние и таким, каким оно должно быть. Более того, утверждается, что, поскольку оно естественное, его невозможно изменить.

“Конечно, все это рушится при малейшем анализе. Например, исходя из точки зрения достижений, естественно было бы считать, что было бы большой несправедливостью обкрадывать тех, кто благодаря своей высшей мудрости достиг великих результатов, на которых зиждется цивилизация, и распределять естественные награды между низшими людьми, которые ничего не достигли. Все согласились бы с этим. И все же фактически именно это и было сделано. Вся мировая история показывает, что те, кто достиг, не получили никакой награды. Награда за их достижения досталась людям, которые ничего не добились. Они просто по большей части воспользовались каким-то случайным положением в сложном, плохо организованном обществе, благодаря которому им было позволено претендовать на плоды достижений других и присваивать их себе. Но никто не будет настаивать на том, чтобы все эти плоды достались тем, кто сделал их возможными. Плоды достижений неисчислимы по количеству и сохраняются вечно. Их авторов немного, и они вскоре уходят из жизни. Они были бы последними, кто претендовал бы на неправомерную долю. Они работают для всего человечества и на все времена, и все, чего они просят, - это чтобы все человечество всегда получало пользу от их работы”.

Итак, вывод Уорда состоит в том, что величие настоящего состоит в той массе достижений, которые называются цивилизацией, среди которых есть те изобретения, которые столь чудесным образом увеличили способность общественного труда производить богатство. И надежда на будущее заключается в обобществлении этих достижений, с тем чтобы сделать их богатые плоды общим достоянием всего человечества. Нет социалистов, которые стали бы оспаривать эти выводы.

Теперь мы кратко сравним эту позицию с позицией великого немецкого мыслителя Йозефа Дицгена, который на международном конгрессе в Гааге в 1872 году был представлен Карлом Марксом собравшимся делегатам со словами: “Вот наш философ”. Конечно, здесь мы будем рассматривать его теории только в той мере, в какой они связаны с выводами, достигнутыми Уордом.

“Все усилия и борьба в истории человечества, - говорит Дицген, - все стремления и исследования науки находят свою общую цель в свободе человека, в подчинении природы власти его разума”.

Это, как мы видели, именно идея Уорда о том, что составляет сущность цивилизации.

“Человек, безусловно, - говорит Дицген, “ все еще зависит от природы. Ее невзгоды еще не все преодолены. Культуре еще многое предстоит сделать; да, ее работа бесконечна. Но мы настолько овладели драконом, что нам наконец удалось выковать оружие, с помощью которого его можно усмирить; мы знаем способ приручить зверя и превратить его в полезное домашнее животное ”.

Что это за "оружие", которое выковало человечество и которое составляет возможность его спасения? “Это спасение, ” говорит Дицген, - не было ни изобретено, ни открыто, оно выросло из накопленного исторического труда. Она заключается в богатстве сегодняшнего дня, которое возникло великолепно и ослепительно в свете науки, из человеческой плоти и крови, чтобы спасти человечество. Это богатство во всей его осязаемой реальности является прочной основой надежды социал-демократии”.

И здесь, чтобы не казалось очевидным противоречие между Дицгеном и Уордом, мы пойдем дальше и увидим, что Дицген, как и Уорд, имеет в виду не просто те предметы богатства, которые случайно существуют в форме материальных товаров.

“Богатство сегодняшнего дня заключается не в великолепных особняках, в которых проживают привилегированные представители общества, и не в их дорогой одежде, не в золоте и драгоценных камнях их украшений, не в горах товаров, выставленных в витринах наших великих городов. Все это, а также монеты и слитки в сундуках и сейфах образуют лишь приложение или, так сказать, кисточки и пучки, за которыми скрыто то великое и реальное богатство — скала, на которой зиждется наша надежда.

“Что позволяет людям верить в спасение от долгих веков пыток — нет, не только верить, но видеть его и активно стремиться к нему, - так это сказочная производительная сила, поразительная плодovitость человеческого труда. В секретах, которые были вырваны у природы; в магических формулах, с помощью которых мы заставляем ее исполнять наши желания и отдавать свои дары почти без какой—либо болезненной работы с нашей стороны; в постоянно растущем совершенствовании методов производства - в этом, я говорю, заключается богатство, которое может совершить то, чего никогда не смог бы ни один искупитель ”.

И Дицген, как и Уорд, протестует против этого великого исторического наследия, этого огромного накопления результатов совокупного общественного труда ста поколений, являющегося исключительной собственностью тех, “кто так ничего и не достиг!”

Дицген, как и Уорд, видит, что великая проблема, стоящая перед расой, состоит в том, чтобы сломать те невыносимые барьеры, которые мешают человечеству вступить в права наследования.

Для решения этой великой и завершающей задачи человек должен направить все силы своего разума. Теперь он достиг той точки, когда врата свободы начинают поддаваться и одним великим, объединенным усилием могут быть широко распахнуты, чтобы все сыны и дочери человеческие могли покончить с долгими веками страданий и свободно войти внутрь.

Продолжать это бессмысленное угнетение дольше было бы верхом глупости.

“Подумайте о скромных потребностях нашего народа и в то же время о плодovitости труда и спросите себя, не будет ли одного инстинкта недостаточно, чтобы научить нас, как адекватно удовлетворять наши потребности с помощью существующих средств производства?”

Таким образом, сделать эти “средства производства собственностью общества” - задача как прикладной социологии Уорда, так и социал-демократии Дицгена. Согласно обоим, это освобождение массы людей от последней формы рабства является единственной всепоглощающей задачей цивилизации.

И психический фактор, сознательно рассуждающий мозг человека, согласно обоим, более чем когда-либо является инструментом “достижения”.

Особенно для Дицгена настало время великих перемен.

В этом вопросе заключено спасение человечества. Он настолько велик и возвышен, что все другие проблемы, которые может вынести время, должны молча подождать. Вся старая Европа, затаив дыхание, ждет исполнения того, что грядет.

“О вы, близорукие и ограниченные, кто не может отказаться от увлечения умеренным, медленным, органичным прогрессом! Неужели вы не понимаете, что все ваши великие либеральные страсти опускаются до уровня сущего пустяка, потому что великий вопрос общественного спасения стоит в порядке дня? Затишьем предшествует буря. История стоит на месте, потому что она набирает силу для великой катастрофы”.

ЛЕКЦИИ ЛЬЮИСА.

Эта книга, **Эволюция, социальная и органическая**, является первым томом цикла лекций, к которому мы ожидаем внести заметные дополнения в будущем. На данный момент мы можем определенно обещать два тома, которые будут составлены из лекций, прочитанных мистером Льюисом в театре Гаррика зимой и весной 1908 года.

Десять Слепых Лидеров Слепых. По всей вероятности, это будет второй том Лекций Льюиса, и мы рассчитываем опубликовать его в мае или июне. Она будет состоять из критических исследований теорий таких реформаторов, философов и моралистов, как Бенджамин Кидд, Генри Джордж, доктор Шеффл, Томас Карлайл, Огюст Конт и Иммануил Кант.

Не следует воображать, что мистер Льюис в этих лекциях просто пытается опровергнуть этих мыслителей или что он хотел бы принизить услугу, которую каждый из них в свое время оказал. Напротив, его цель - дать читателю как можно более ясное представление о том, чего достиг каждый из этих людей. И далее он показывает, как мировоззрение каждого из них было ограничено экономической средой, из которой вытекала ментальная атмосфера, в которой он жил, так что с нашей стороны было бы неразумно ожидать от этих авторов каких-либо иных выводов, кроме тех, к которым они на самом деле пришли. Понимая эти условия, мы можем лучше понять, как противостоять аргументам тех, кто все еще находится под влиянием

переросших идей, которые, возможно, лучше всего изложены в трудах рассматриваемых здесь лидеров.

Социализм и современная мысль. Это запланировано для третьего тома серии и, вероятно, будет готово летом или осенью 1908 года. Это будет прямым дополнением к настоящему тому **"Эволюция, социальная и органическая"**, в котором объясняется научная основа, на которой покоится социализм. Вторым том, как мы показали, посвящен рассмотрению конкурирующих теорий. В третьем томе будут заново изложены принципы социализма и показано, как они применяются к насущным проблемам сегодняшнего дня. Лекция на тему **"Экономическая интерпретация истории"** покажет, как исторический метод Маркса проливает свет на самые темные места, в которых до сих пор блуждали студенты-социологи. В статье о **"Позитивной школе криминологии"** будет рассказано, как ученые-социалисты Италии произвели революцию в некогда безнадёжной науке о преступлениях и наказаниях, и установили некоторые очень определенные и очень плодотворные положения, демонстрируя при этом, что преступность должна продолжаться, пока существует капитализм. В книге **"Новейшее слово науки и философии—монизм"** м-р Льюис покажет, как самые ясные мыслители современного социалистического движения пришли к концепции вселенной, которая достаточно широка, чтобы охватить всю реальность и показать связь фактов разума с фактами материи. У нас есть место упомянуть здесь только об одной лекции, и она будет называться **"Неизбежность триумфа социализма"**.

Каждый из этих томов будет идентичен настоящему; принимаются предварительные заказы. Цена, включая почтовые расходы, составит пятьдесят центов за каждый.

Искусство читать лекции. Мистера Льюиса настойчиво уговаривали провести курс лекционного искусства, но из-за нехватки времени об этом не могло быть и речи, и, как лучший способ удовлетворить своих друзей, он написал серию коротких статей для Chicago Daily Socialist, каждая статья содержала несколько практических советов для молодых ораторов-социалистов, каждое предложение было прямым результатом личного опыта автора. Эти статьи сразу же привлекли широкое внимание, и задолго до того, как все они появились, существовал несомненный спрос на их публикацию в виде книги. Вот почему была выпущена эта книга. Нет ничего более полезного для молодого мужчины или женщины, которые собираются читать лекции о социалистической платформе. И многие другие, у кого и в мыслях не было читать лекции, получают удовольствие от чтения этой книги, потому что она позволяет читателю так близко соприкоснуться с личностью человека, которого стоит знать. Бумага, 25с, с постоплатой.

Стандартная социалистическая серия. Этот том является образцом из двадцати пяти социалистических книг, уже опубликованных в этой библиотеке. Целью издателей при их отборе было, насколько это возможно, включить все величайшие произведения европейских и американских социалистов, которые могли быть помещены в рамках пятидесятицентового тома. Конечно, в эту серию входит **"Манифест коммунистической партии"** Маркса и Энгельса. Это, кстати, опубликовано в двух изданиях, в одном из которых также напечатана работа Либкнехта о социалистической тактике под названием **"Никаких компромиссов"**, в то время как другое включает версию Манифеста на эсперанто, новом международном языке, а также английскую версию. Стандартная социалистическая серия также включает **"Революцию и контрреволюцию"** Маркса и три наиболее важных произведения Фридриха Энгельса: **"Социализм: утопический и научный"**, **"Происхождение семьи, частной собственности и**

государства" и "Фейербах: корни социалистической философии". Что касается ныне живущих писателей-социалистов, Франция представлена в этой библиотеке **"Социально-философскими исследованиями"** Лафарга и "Правом быть ленивым и другими исследованиями", Германия - "Социальной революцией" **Ethics and the Materialist Conception of History**, Italy by Ferri's **The Positive School of Criminology**, Russia by Plechanoff's **Anarchism and Socialism**, Belgium by Vandervelde's **Collectivism and Industrial Evolution**, England by Blatchford's , Англия - **"Коллективизмом и индустриальной эволюцией"** Блатчфорда, **"Британия"** Блатчфорда. для Британии Америки по произведениям Айседоры Ладолф, Роберта Ривза Ламонта, А. М. Саймонса, Джона Спарго, Эрнеста Унтерманна, Джона М. Ворка и других. Полное описание всех этих книг, а также описание других наших книг по более высоким и более низким ценам и предложения по выбору книг, а также некоторые интересные пропагандистские материалы будут опубликованы в текущем номере Socialist Book Bulletin, который будет бесплатно отправлен по почте любому, кто его запросит.

Как приобрести книги по себестоимости. В этом бюллетене также объясняется наш совместный план поставки книг по себестоимости. Издательство, выпускающее этот том, не принадлежит ни одному капиталисту. Им владеют 1900 трудящихся-социалистов, каждый из которых пожертвовал по десять долларов, чтобы помочь издать больше социалистических книг. Дивиденды не выплачиваются; преимущество для акционера состоит в том, что вместо пятидесяти центов за книгу, подобную этой, он платит двадцать пять центов, если заходит за ней в наш офис, или тридцать центов, если ее присылают ему по почте. Необходимо больше акционеров, чтобы обеспечить капитал для издания большего количества книг, и читателям этой книги настоятельно предлагается сотрудничать с нами вплоть до покупки акции за десять долларов. Мы не собираемся продавать более одной акции одному подписчику, но любой, у кого есть более десяти долларов для инвестирования, может получить по ней четыре процента годовых и получить деньги обратно в любое время с уведомлением за тридцать дней. Эти условия лучше, чем предлагают чикагские банки, и кредитор испытывает удовлетворение, зная, что его деньги используются в интересах рабочего класса, а не против него.

Charles H. Kerr & Company (Кооператив)
Улица Кинзи, 264, Чикаго

Примечания переписчика

Пунктуация и орфография были приведены в соответствие, когда в этой книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые типографские ошибки; исправлены случайные несбалансированные кавычки.

Непоследовательная расстановка переносов не была изменена.

На девяти страницах между абзацами имелись дополнительные пробелы, но, по-видимому, так принтер настроил текст, а не разрывы содержания, задуманные автором, поэтому в этой книге они были проигнорированы.

На последних шести страницах приводится краткое изложение других томов Серии, частью которой является эта книга. Первоначально эти страницы были пронумерованы 1-6, но здесь они пронумерованы как 201-206.

Страница 19: “Васка да Гама” была напечатана именно так.